

НОВАЯ ПОЛЬША 2/2012

Содержание

1. ВИСЛАВА ШИМБОРСКАЯ (1923–2012)
2. ЭКСПЕРИМЕНТЫ ШИМБОРСКОЙ
3. ПЛЮМАЖ
4. ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ
5. КАТЫНЬ — ГЕНОЦИД ИЛИ ВОЕННОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ?
6. «КАТЫНСКИЙ ЛАБИРИНТ» И БЕЛОРУССИЯ
7. НЕЗАВИСИМАЯ БЕЛОРУССИЯ
8. ИСТОРИЯ РОССИИ XIX века ПИСАЛАСЬ ЗАГОВОРАМИ И ТЕРАКТАМИ
9. ЛУБЯНКА ВО ВРЕМЕНА НЭПА
10. ПОЛЬША: ТУМАННЫЕ СЕМЕЙНЫЕ, ДОМАШНИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ
11. КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА
12. СИДЕЛЬЦЫ. МЛЫНСКАЯ, 1
13. ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ
14. ДАША
15. ШВЕЙЦАРЦЫ ВЫБРАЛИ ПОЛЬШУ

ВИСЛАВА ШИМБОРСКАЯ (1923–2012)

Некоторые любят поэзию

Некоторые —

то есть не все.

Даже не большинство всех, а меньшинство.

Не считая школ, где приходится,

и самих поэтов,

таких на тысячу наберется человека два.

Любят —

но любишь и бульон с вермишелью,

любишь комплименты и голубой цвет,

любишь старый шарфик,

любишь поставить на своем,

любишь погладить собаку.

Поэзию —

да что оно такое поэзия.

Сколько неопределенных ответов

на этот вопрос уже давалось.

А я не знаю и не знаю и на этом стою,

как на спасительных мостках.

Пер. Натальи Горбаневской

Как писать автобиографию

Что от тебя требуется?

Написать заявление,

а к заявлению приложить автобиографию.

Независимо от продолжительности жизни

автобиография должна быть краткой.

Следует сжато изложить факты.

Пейзажи заменить адресами,

смутные воспоминания точными датами.

От всей любви оставить только законный брак,

Из детей — только тех, кто сумел родиться.

Кто знает тебя — важнее, чем те, кого знаешь ты.

Если уж поездки — то только за границу.

Членство — в чём, но не почему.

Награды — без «за что».

Пиши так, словно сам с собой ни разу словом не
обмолвился

и всегда сам себя обходил за версту.

Обойди молчанием кошек, собак и птиц,

памятные пустяки, сновидения и друзей.

Надлежит указать скорее цену, чем ценность,

название, а не содержание.

Скорее номер ботинок, чем то, куда идёт

то, что из тебя выпало.

Плюс фотография с открытыми ушами.

Главное — форма ушей, а не то, что они слышат.

А что они слышат?

Грохот машин, пережёвывающих бумагу.

Пер. Андрея Базилевского

Речь в бюро находок

Я утратила двух-трех богинь по дороге с юга на север,
а также многих богов на пути с востока на запад.
Погасли мне две-три звезды, расступись, небо.
Погрузились мне в море два-три архипелага.
Я даже не знаю точно, где я оставила когти,
кто ходит в моем меху, кто в раковине моей обитает.
Родня мне поумирала, когда я выползла на сушу,
лишь какая-то косточка празднует во мне годовщину.
Я вылезла из кожи, позвонки и ноги теряла,
лишалась чувств, то есть органов чувств, много-
много раз.
Давно я закрыла на это свой третий глаз,
плавником махнула на это, покачала ветвями.
Пропало, подевалось, ветрами поразвевалось.
Сама себе удивляюсь, как меня осталось:
единичная особь, что, в обличье людском пребывая,
Всего-то навсего зонтик потеряла вчера в трамвае.

Пер. Натальи Астафьевой

Кошка в пустой квартире

Умереть — такого не делают кошке.
Что остается кошке одной
в пустой квартире?
Карабкаться на стенки.

Крутиться между стульев.
Вроде ничего не сменилось,
а изменилось всё.
Вроде не передвинуто,
а переставлено всё.
И вечерами лампа больше не светит.
Слышны шаги по ступенькам,
но это не те.
Рука кладет на блюдечко рыбу,
и тоже не та рука.
Что-то не начинается
в свое обычное время.
Что-то не происходит,
что быть должно.
Кто-то тут был да был,
а внезапно взял и исчез,
и нет его, нет как нет.
Во все шкафы загляни.
По полкам пробегись.
Заберись под ковер и проверь.
Даже нарушь запрет
и разбросай бумаги.
Что еще остается?
Спать да ждать.
Ну уж, пусть только вернется,
пусть покажется.

Вот тогда узнает,
что такого кошкам не делают.
Пойдешь в его сторону,
будто совсем неохотно,
потихонечку,
на ужасно обиженных лапках.
И никаких прыг-скок-мур-мур для начала.

Пер. Натальи Горбаневской

Маленькая девочка стаскивает скатерть

Вот уже год на этом свете,
а тут еще не все исследовано
и взято под контроль.
Теперь опробуются вещи,
которые не двигаются сами.
Нужно им в этом помочь,
подвинуть, подтолкнуть,
брать с места и переносить.
Не все хотят, например, шкаф, буфет,
неподдающиеся стены, стол.
Но скатерть на столе упрямом
— если схватиться за края покрепче —
согласна ехать.
А на скатерти стаканы, ложки, чашка
аж трясутся от охоты.
Очень интересно,

какое они выберут движение,
когда окажутся уж на краю:
гулять по потолку?
летать ли вокруг лампы?
прыгнуть на подоконник, а оттуда на дерево?
Мистер Ньютон пока ни при чем.
Пусть себе смотрит с неба и машет руками.
Эта попытка сделана должна быть.
И будет сделана.

Пер. Натальи Астафьевой

ЭКСПЕРИМЕНТЫ ШИМБОРСКОЙ

В одном эссе Чеслав Милош написал о феномене, который называют «польской школой» поэзии: «Поэзию «польской школы» стоило переводить на иностранные языки, так как ее язык нёс на себе груз старого и нового исторического опыта, что преобразовывалось в отстраненность и иронию, — не исключая из этого и «легкой» Шимборской». И неудивительно, что этот эпитет — «легкой» — поэт взял в кавычки. Потому что и впрямь — эта поэзия на вид не оказывает читателю сопротивления. Но, когда вчитаешься внимательней, оказывается, что она затягивает в бездну, и это прекрасно растолковано в другом эссе Милоша — «Шимборская и Великий Инквизитор»), где глубокому анализу подвергнуто стихотворение «Маленькая девочка стаскивает скатерть». В поверхностном восприятии это просто-напросто отличный рассказ об эксперименте ребенка, состоящем в стаскивании со стола материи, отягощенной стаканами и ложечками:

Вот уже год на этом свете,
а тут еще не всё исследовано
и взято под контроль.
Теперь опробуются вещи,
которые не двигаются сами.

Следовательно, ее ждет открытие законов всемирного тяготения. При этом: «Мистер Ньютон пока ни при чем. / Пусть себе смотрит с неба и машет руками. // Эта попытка сделана должна быть. / И будет сделана».

Обращаясь к сочиненной Иваном Карамазовым Легенде о Великом Инквизиторе, к тому, что Христос отверг соблазн с ангельской помощью преодолеть законы всемирного тяготения и, наконец, освобожденный из темницы, одарил поцелуем Своего гонителя, Милош объясняет, что силу тяготения преодолевает — а значит, доказывает, что эксперимент может опровергнуть упрочившуюся уверенность в неизбежности обычного хода вещей, — благодать: «Единственное исключение

— благодать, противопоставленная этой силе тяготения, то есть как бы молчаливый поцелуй Иисуса, данный Великому Инквизитору. Так что, как видно, под невинным стишком Виславы Шимборской таится пропасть, в которую можно углубляться почти без конца, какой-то темный лабиринт, по которому хочешь-не-хочешь мы блуждаем на протяжении жизни».

Такой же маленькой девочкой, заново и наново экспериментирующей и по-прежнему удивленной тем, что то, что есть, таково, каким оно должно быть, — остается и та, что написала это стихотворение. Потому что всегда в конце любого опыта — любого ее стихотворения — неизбежно возникает вопрос, на который нет ответа: должно ли так быть? И совершенно ли очевидно то, что есть? И можно ли этому противостоять, а если можно, то как? Да вот так: не уставая возобновлять опыты, потому что, как она написала в стихотворении «Луковица»: «И не дан нам (...) / идиотизм совершенства».

Ничуть не преувеличивая, Шимборскую можно счесть поэтессой, каждое новое стихотворение которой, каждое новое творение, — это возобновление такого опыта, эксперимент, в том числе и языковой. Я с давних пор убежден, что у ее отдельных стихов — своя, особая поэтика, а в то же время, несмотря ни на что, существует то, что можно определить как общий для них всех поэтический язык. Каждая ее книга стихов идеально точно скомпонована, каждая есть самодостаточное множество. Эта точность предписывала автору неустанный отбор. Поэтому не удивляет, что, отвечая на вопрос о сравнительно малом количестве опубликованных стихов (около 350 ти), она сказала, что для остальных у нее есть мусорная корзина. Один из самых поразительных экспериментов — книга «Двоеточие», заканчивающаяся стихотворением «Да любое стихотворение» с раскрытым к недостижимому Целому концовкой:

если черным на белом,
пусть хотя бы догадкой,
по важной ли, чепуховой причине,
поставлены знаки вопроса,
а в ответе —
если двоеточие:

Пер. Натальи Горбаневской

Луковица

Луковица не аukaется
с нами, у которых нутро.
Она насквозь пролуковится,
не contra лука, а pro.
Луковая снаружи,
луковая до дна,
взглянуть на себя без ужаса
она предназначена.
В нас чужина и дикость,
и кость, и кишки, и скверна,
едва лишь кожей прикрыта
анатомия неудобная.
А в луковице — луковица,
не интерьеры inferно,
она многократно нагая,
до глубины тому-подобная.
Непротиворечива,
единство, а не раствор,
одной другая подпругой,
меньшая с большей — когортой,
а дальше еще и еще,
то есть третья в четвертой.
Центростремительной фугой.
Эхом, впадающим в хор.

Луковица — понимаю:
лучшее брюхо мира.
Само себе ореолом
творит из себя кумира.
А в нас и жиры, и жилы —
на позор и блаженство.
И не дан нам, не дан, не дан
идиотизм совершенства.

Пер. Натальи Горбаневской

Да любое стихотворенье
Да любое стихотворенье
могло бы называться «Минутка».
Хватит нескольких слов
с глаголом в настоящем,
прошедшем ли, будущем времени;
хватит, чтоб что угодно,
несомое словами,
зашелестит, заблещет,
проплывет, пропорхает
или же сохранит
мнимую неизменность,
но с подвижной тенью;
хватит, что речь ведется
о ком-то рядом с кем-то
или кем-то рядом с чем-то,

о маме, что моет раму
или уже не моет,
или о других мамах,
об окошках и кошках
из других букварей,
листаемых ветром;
хватит, если на расстоянии взгляда
автор поставил временные горы
и непрочные долины;
если он при случае
намекнет на небо,
только с виду вечное и беспечное;
если явится под пишущей рукой
что-то единственное,
названное чьим-то;
если черным на белом,
пусть хотя бы догадкой,
по важной ли, чепуховой причине,
поставлены знаки вопроса,
а в ответе —
если двоеточие:

Пер. Натальи Горбаневской

ПЛЮМАЖ

Отец держал карандаш так, как столяр держит гвоздь, слишком кривой, чтобы его можно было вбить в доску.

Руки у отца как камни мостовой, черные, большие. Японский карандаш был не меньше простого карандаша, каким пользуются столяры, но из пальцев отца едва выглядывал его кончик и выписывал в воздухе кренделя, чертил зигзаги.

Я смотрел на это со стесненным сердцем, у меня перехватывало дыхание.

Ни ловкости, ни силы отцовская рука не потеряла. Отец взмахнул карандашом и на гладкой поверхности еженедельника «Viva»^[1] появилась жирная черта, взмахнул еще раз, и ее пересекла вертикальная линия, так же глубоко продавив бумагу.

Крестик был аккуратный, прямой, ровный — сразу видно, делал мастер.

Сейчас рядом должен был появиться еще один, а потом и другой крестик. По старинному обычаю и в соответствии с действующими правилами отец всегда подписывался тройным крестом.

Кончик карандаша дрогнул, очертил в воздухе кружок, и мое сердце, которое постоянно давало о себе знать, дрогнуло.

Карандаш выскользнул из пальцев и шлепнулся на пол.

Будто через несколько линз сразу, я видел отпечатавшийся на глянцевогой бумаге знак. Отец поставил крест. Я хотел верить в жизнь отца и усиленно молил Бога о его здоровье. Отец поставил на всём крест. У меня не было слов. Я чувствовал себя виноватым. Болело тело. Болело так, точно его только что освободили от вретнища. Сердце в этом теле как скомканная власяница, сильно кололо. На одно долгое мгновение я потерял представление о том, где нахожусь и где находится мой отец.

Нет слов, чтобы описать это место.

Не то комната, не то зал — помещение. Помещение большое, вытянутое в длину, необычайно узкое и на радость

канатоходцам и альпинистам без потолка: наклонные стены сужались кверху и где-то там, высоко, сходились. Тут было так мрачно, что делалось не по себе; пахло лизолом, ихтиолом, сероводородом, карболкой... кто знает, может еще и ксиламитом. Чувствовалось, что средства от ползающих насекомых и крысиная отравка применялись тут регулярно.

И во всём здании, впрочем, тоже. Я это сразу заметил, как только вошел внутрь. В коридорах, застеленных старым, вымытым до блеска линолеумом, было чисто, пусто, убого. По этой вытертой гладкой тропинке, поскользываясь и шатаясь, шел одинокий старичок в клетчатых шлепанцах и ярко-желтом, хоть и порядком застиранном, халате.... На стенах виднелись нанесенные черной краской линии и стрелки. Четкие, аккуратно выведенные. Они тянулись вереницей высоко над головой небритого полицейского, сидевшего на раскладном стульчике у двери в помещение, где лежал отец. Щетина на лице охранника была густой и черной, словно маска, какие входят в экипировку отборных полицейских частей. Мне заранее сказали про этот пост, я знал, что дежурит тут простой нижний чин из местного отделения, вид же он имел куда более солидный. Казалось, этому человеку ужасно наскучило и опротивело его занятие. Маялся на своем раскладном стульчике от тоски. При виде меня он, энергично топнув, вскочил и, придав своей физиономии ищейки воинственное выражение, загородил мне дорогу. Изучив документы и пропуска, которые мне выдали в дирекции больницы, он широким жестом распахнул дверь, на которой была большая — так и хочется сказать: большая, как дверь, — цифра 12; однако, прежде чем впустить меня внутрь, со значением обвел взором больничную палату.

Окно здесь — по крайней мере, на взгляд ошеломленного визитера — было под стать этой палате: высокое, узкое, остроконечное и до половины замазанное снизу белой масляной краской.

В окно сквозь белую и густую краску, покрывавшую нижние стекла, в больничную палату проникал свет — яркий и дрожащий, болезненный, белый какой-то особенной, призрачной мерцающей белизной. Казалось, эти покрашенные дрянной краской бугристые кавернозные стены, серые полы, тусклая покрытая олифой мебель в одну секунду высасывали из света, льющегося в окно, всю его яркость; в этом жидком свете едва маячила бледная фигура молодого человека, лежавшего на допотопной железной кровати, — впрочем, до молодого ему было далеко — так, молокосос, малявка просто: щекастый, с

безусым лицом, точнее сказать мордашкой; уши, бледные младенческой, жалкой бледностью на стриженной под ноль голове. Одет он был в белую, посеревшую от хозяйственного мыла больничную рубашу; зато ослепительной и интенсивной белизной поблескивал у него на левом запястье металлический ободок — наручники. Юнец был прикован к постели в буквальном смысле. Этот мелкий дохляк, как предостерегли меня в канцелярии больницы, был бандитом, чуть ли не мафиози, столь опасным, что одних наручников мало; даже тут, в больнице (где он проходил обследование), его вынуждена была стеречь полиция. Бедняжка, ангелочек этакий... Он вызывал сострадание. Куда более грозно, даже больше, чем грозно — угрозно (как колоритно выражаются в наших краях) выглядел опрокинутый на соседнюю железную койку отец. Увидев его, я оцепенел. Милосердный ускользящий свет, благодаря которому на мордке кандальника появлялись пробуждающие жалость болезненные тени, превращал отца в дряхлого карлика, удивительно похожего на японского актера, который играл старого самурая в одном меланхолическом американском сериале, названия которого я сходу не мог вспомнить.

Самурая, добавлю, совершившего обряд харакири. Больничная рубаша у отца на груди была распахнута и разорвана до самого низа. Но не только рубаша. Разорвана была отцова грудь и горло; раны были небрежно прикрыты набрякшими от крови и гноя бинтами. Гной, грязная кровь стекали по дренажным трубкам с его опухшей, раскроенной хирургом челюсти на клеенчатый нагрудник. Отец был разорван, в буквальном смысле искромсан. С содранной кожей, мало того, еще и с кляпом во рту. Об этом медсестры меня предупредили. Объяснили, что ординатор назначил блокаду горла, чтобы гной не просочился в легкие.

Растерзанный, в крови, гное и мокроте, отец выглядел жалко и страшно, как бандит или именно что самурай — изуродованный, избитый и побежденный, но по-прежнему опасный, непредсказуемый и жаждущий отомстить своим врагам.

...С кляпом во рту, хрипя и воя через заткнутое горло, отец взял японский карандаш и на краешке журнала поставил крест.

Я этот карандаш в замешательстве и горе сам сунул своему безгласному отцу в руку.

А отец у меня неграмотный.

Как никто другой во всем Калишском уезде, неграмотный. И сейчас, на склоне жизни, более, чем когда бы то ни было, неграмотный.

Ведь в старости, по мере того как отец ослаблял вожжи, давая волю своей воровской, смутьянской и склочной натуре, он всё больше кичился этими тремя крестами — нахально и без зазрения совести, словно развратница своим голым задом.

Людей, подобных отцу — горячих, неосмотрительных, вспыльчивых и при этом легкомысленных, — старость, наверно, потому так угнетает и мучит, что пустое время, которое разверзается тогда перед каждым, предвещая конец всех времен, напоминает им о себе гораздо настырнее, чем другим, и буквально душит; и может совсем задушить. Отца же, привыкшего бедствовать — за что ни возьмется, всё, по пословице, в руках горит (в его случае пословица предельно точна), — беды старости совершенно не коснулись: защитой ему и спасением было его собственное прошлое или попросту само рождение. Ибо с незапамятных времен наш род пользовался привилегией, которую отец дерзко, вызываяще и вопреки здравому смыслу — не говоря уже о собственной выгоде — отстаивал, как святой мученик святую веру, и эту фанаберию из него было не выбить, хоть кол на голове теши.

Почтенный возраст — отец и сам не заметил, как достиг его: легко, между делом, не боля, не хныча, не впадая в детство, — почтенный возраст вовсе не принес успокоения, напротив: даже, казалось, способствовал бесшабашным трехкрестным художествам и толкал отца на всё более экстравагантные поступки и эксперименты, иногда восхитительно плутовские, иногда не слишком изысканные, до обидного смахивавшие на хулиганские выходки. И пусть бы он с гордым вызовом подписывался везде своими тремя крестиками — этим искусством, иногда весьма полезным, прямо-таки прибыльным, а иногда весьма хлопотным, навлекающим на нас несчастья и невзгоды, отец овладел еще в молодости и со временем научился виртуозно им пользоваться; всё бы ничего, если б только магистр крестового искусства не был так уверен в исключительности своего положения и в своей безнаказанности: самонадеянный, тщеславный и хвастливый, по-воровски жадный, вдохновенный, циничный, он рыскал по сельсоветам и районам, даже заезжал к воеводе, частенько наведывался по делам в банки и финансовые отделы (в полиции его знали как облупленного), заглядывал в фотомастерские (где заказывал снимки на паспорт), в школы, партийные комитеты, учреждения здравоохранения и

зубоврачебные кабинеты, не пропускал ни яслей, ни экспедиторских фирм, ни почт, ни приходов, ни молитвенных домов свидетелей Иеговы, ни радиостанций, ни редакций реакционных газетенок; барышни отрывались от компьютеров, он показывал им свой бесхитростный трехкрестный знак, барышням делалось стыдно — гораздо стыднее, чем если бы в контору ввалился эксгибиционист и принялся копать в ширинке. Молодецкая крестоносная слава бежала впереди отца, бежала за ним, шла в ногу, потому как он для того и мотался по людям и учреждениям (хаузырил^[2], как с неудовольствием называл эту беготню Эрик Ленке, единственный в наших краях немец, который не убрался ни в Германию, ни в Гэдээр), — затем он, значит, всюду без устали мотался, чтобы распуścić перед служащими, дирекцией и председателями различных учреждений и организаций павлиний хвост жертвы коммунизма и неустрашимого борца за свободу, солидарность и независимость. Он был чудом в перьях, звездой, посмешищем и гордостью наших калишских мест, дед колченогий и бравый, неграмотный секач-одиночка, вспыльчивый, дремучий, фантасмагорический крестописец, крикун и пустомеля, смутьян, циркач, богохульник и кающийся грешник, в последнее время он стал нарасхват на телевидении, блистал в различных программах, митинговал и политиканствовал на манер прежних безобразников, жестоко и без тени сомнения распекая министров, делая прогнозы относительно премьеров и правительств, предсказывая судьбы великих держав и всего Божьего света...

Память о былых дерзких и славных делах, схватках геройских не покидала отца — напротив, со временем она обострялась, отец ее культивировал и всё настойчивее подновлял; с азартом и удовольствием он хватался за карандаш или любое другое крестило: мелок, кусок кирпича, уголек, проволоку или гвоздь — раньше еще как-то сдерживался, а теперь, на старости лет, утратил остатки стеснения и стыда — и на обрывке бумаги, на свободном от кухонной утвари краешке стола, на заборе, на воротах риги, на двери сарая царапал знаки креста. Ничего мученического, болезненно юродивого не было в этом отцовском крестотворчестве — ведь его крестоцветные трилистники имели в корне иное происхождение и смысл: гордясь и хвастая, он возвещал ближним и дальним ту истину, что вот-де когда уже наши отцы и деды, все наши древние пращуры, дремучие, суровые мужики-буйны головы, лешие окаянные трижды подписывались крестом — со времен Пяста, да чуть ли не самого царя Гороха! И чувствовал себя могучий этот и гордый крестописец законным наследником всех наших темных, крестом отмеченных поколений и считал своим

долгом по своему разумению и не без подсказки фантазии развивать мастерство наших предков.

Неловко немного и странно, странно и вместе с тем приятно было видеть, как седой, дряхлый наш отец, забыв о своих скорбях и бедах, крестоносит себе мирно, с головой уйдя в работу — из-под его пера или кончика авторучки выходят кресточки — прелесть, просто куколки, настоящие крестенюшечки, крестьяночки, расплясавшиеся, буйно веселящиеся девицы... крестоносицы, может, сёстры ордена, изгнанные оттуда — нескромные, фривольные, необузданные! По стародавней традиции эти крестоносицы шествуют втроем, но отцу случалось — с разбегу ли, по причине ли разгулявшегося воображения или, допустим, некоего непостижимого замысла — присоединять к этим тройняшкам еще одну крестоносную особу, и не какую-то там компаньонку-святошу, бабенцию в летах, а непременно соблазнительную девку, вертушку, блудницу, выражаясь на языке Библии... эта грешница иногда даже бесстыдно раскорячивалась, даже шаталась и ложилась, явно пример непристойного поведения подавая сестрицам... То вдруг для разнообразия отец опять вырезал толевым гвоздем на щипце^[3] риги или на воротах пожарного депо строй крестоносных рыцарей, коих, конечно же, всегда было трое, — и даже три раза по трое: парни — загляденье, заводные, воинственные ребята хоть куда... В искусстве крестосложения отец достиг вершин мастерства: достаточно было двух движений острием гвоздя, кончиком серпа, спинкой содранной подковы, сколом кремня или обломком кирпича, чтобы на повалившемся заборе, стене разрушенной мельницы явились один за другим: повеса, плясунья, старик... Как удары польской саблей — крест-накрест!^[4] Когда отец, неосмотрительный и полный задора, как все баламуты, однажды в творческом порыве украсил нашим тройным дедовским гербом ограду костела, приходской ксендз не мог не выговорить дерзкому писаке.

— Кто крестует, тот живет, — отбрил тогда отец духовного пастыря. — Богохульник! — вскипел ксендз и, полный гнева и негодования, с амвона указал отцу на смертный грех и в запальчивости собственноручно принялся стирать знаки креста. Он был молод, энергичен, неопытен, ко всему прочему лишь недавно прибыл в наш приход и не знал (а когда узнал — не уразумел), что прихожанин преклонных лет, крестом отмеченный, будет стоять на своем так же упорно, как священник на чистоте веры; неосторожно втянувшись в крестовую войну, ксендз вел ее с фанатизмом богобоязненного мальчишки. Не понимая, что отцу только этого и нужно,

только и нужно. Отец оказался поистине в своей стихии. На коне!.. Не было силы, которая могла бы вышибить его из седла. Имея заведомое преимущество перед святым отцом в партизанских боях, он своими тремя крестиками темного неграмотного шалопута умышленно и коварно держал в постоянном страхе яростного защитника веры. Это были малопочетные мелкие войны, ребячество старика состязалось с лихой задиристостью и подбитым ортодоксальностью легкомыслием молодого приходского ксендза, который, наверное, лишь нахватал вершков латыни и не усвоил мудрости, суть которой выражена в предостережении... *respice finem*^[5]. Отец же, окрыленный тем, как громко он прозвучал с амвона, ощутил прилив сил и в тот же майский вечер своими (следовало бы, наверное, сказать «нашими»...), признанными греховными и неблагонадежными крестами покрыл ограду кладбища; на завтра костельные прислужники их стирали, ксендз в бешенстве метал громы и молнии, возводя отца уже в следующий чин — закоренелого грешника и еретика, и на другой день нашел еретические крестики на дверях своего дома — намалеванные дегтем... Прислужники не справлялись, органист и сторож выбивались из сил, кое-как стерли наконец деготь, перемазавшись сами; уязвленный в самое сердце наглой атакой вспыльчивый ксендз опустил до грубых проклятий, которыми громогласно осыпал злодея; отец, распалясь, кипя от адской злости (и вместе с тем райски блаженствуя), был готов крючком на облаке навывязывать крестиков, лишь бы досадить служителю культа. Словом, это были бы приходские детские забавы (весь приход с ужасом и смехом наблюдал за крестовыми войнами)... если бы не то, что вскоре произошло. Мог ли наш престарелый отец знать, мог ли предчувствовать и представить себе, что очень скоро ему придется заплатить такую страшную цену за свои смутьянские и — это будет подходящее определение — безобразные выходки? И что анафемы, которые столь неосмотрительно, в запальчивости и без оглядки обрушивал на его голову неоперившийся клирик, будут иметь силу не подлежащего обжалованию приговора?

Жестокой оказалась кара Бога мстительного и справедливого, я видел. Отца, точно в соответствии со старинной судебной формулой, «покарали горлом»^[6]. С кляпом во рту он не то что ругаться или жаловаться, а словечка вымолвить не мог. В крови, гное, с ободранной щекой, он только хрипел и покашливал, задыхаясь. И уже ни под чем не подписывался, даже под своей жизнью.

Поставил на ней крест; у него не было иллюзий. И у меня тоже. Я навестил своего отца в камере смертников. Он был приговорен. Праведник, он имел в тысячу раз меньше шансов на жизнь, чем душегуб с соседней койки. Я застыл в изголовье отца в беспомощности и ужасе. Отца ждала глухая, как молчание, смерть. Он оказался в ловушке — такова была Божья кара. Без языка, с заткнутым ртом. Без письма, на презрении к которому он выстроил свою смутьянскую, легкомысленную, независимую жизнь.

Перечеркнул ее теперь одним знаком, кое-как нацарапанным на полях журнала «Viva».

Он даже не пытался сомкнуть свои синие, исковерканные губы. Смотрел на меня. В растерзанном теле жили только эти глаза, не затуманенные ничем, пронизательные. В глазах отца гордость, тоска, бунт, печаль, злость, отчаяние, просьба, призыв...

Перевод Марины Курганской

---

1. Женский журнал, в Польше издается с 1997 года. (Здесь и далее — прим. перев.).
2. От *hausieren* (нем.) — торговать вразнос, разносить по домам товары.
3. Щипец — верхняя часть торцевой стены здания, ограниченная скатами крыши.
4. Т.н. крестовая техника удара — отличительная черта польского боя на саблях.
5. *Respice finem* (лат.) — из афоризма, приписываемого разным античным мыслителям: «*Quidquid agis, prudenter agis et respice finem*» («Что бы ты ни делал, делай разумно и обдумывай результат»).
6. Этот приговор означал смертную казнь через отсечение головы.

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

• «Выступая на форуме Европарламента, премьер-министр Дональд Туск подвел итоги полугодового польского председательства в Совете ЕС. Туск призвал страны еврозоны задуматься: по его мнению, одной из причин кризиса стали нарушения обязательств по соблюдению бюджетной дисциплины, предусмотренной Маастрихтским договором. Речь Туска хвалили представители почти всех стран и всех политических партий — кроме, разумеется, польских правых». («Тыгодник повшехный», 25 дек.)

• «Это было хорошее президентство — таковы комментарии после вчерашних дебатов в Европарламенте о польском председательстве в ЕС (...) «Это лучшее из 15 председательств, которые мне довелось пережить в парламенте, — говорил Мартин Шульц, лидер социалистов, который в январе сменит Ежи Бузека на посту председателя Европарламента (...) Он, как и председатель Еврокомиссии Жозе Мануэль Баррозу хвалили поляков за содержательную и четко организованную работу (...) Иностранные евродепутаты перечисляют три достижения польского председательства: быстрое принятие бюджета на 2012 г. несмотря на нарастающие экономические трения между государствами, подписание договора о вступлении Хорватии в ЕС в атмосфере, далекой от энтузиазма в связи с расширением ЕС, а также умелая подготовка переговоров, касающихся борьбы с долговым кризисом». («Дзенник — Газета правна», 15 дек.)

• Юрки Катайнен, премьер-министр Финляндии: «Польское председательство в Совете ЕС было замечательно во многих отношениях. У вас был правильный подход к делам — вам хватало твердости, но вы не превозносились над другими странами. Вы обеспечили ЕС сильное лидерство (...) дополнив его напряженной работой во имя общего блага. При этом вы не сосредотачивались только на своих интересах». Алан Мэйхью, профессор Сассекского университета: «За несколько лет Польша стала одним из основных игроков в Евросоюзе (...) Очень удачное польское председательство подтвердило позицию Польши как одной из ключевых сил в ЕС». («Газета wyborcza», 29 дек.)

• «Результатом польского председательства стало прежде всего подтверждение и усиление роли Польши как члена ЕС (...) Благодаря председательству наша страна добилась большего влияния на европейскую политику, показала, что она уже не новичок, пришедший в Евросоюз за деньгами, но важное государство, которое перед лицом кризиса старается стабилизировать сообщество и спасти европейское единство. Благодаря этому наш голос будет иметь гораздо больший вес (...) Мы сумели предложить идеи, которые были приемлемы для всех. Например, нам удалось провести пакет стабилизационных реформ, запланированных на последнем саммите в связи с трудностями еврозоны. Сегодня ни у кого нет сомнений, что это получилось в основном благодаря Польше», — Яцек Кухарчик, директор Института общественных дел. («Впрост», 8 янв.)

• «Сегодня нет ни глобального гражданского общества, ни глобальной демократии, ни глобального государства, ни глобального законодательства. Есть только глобальный финансовый капитал, ничем не регулируемый (...) Поэтому та или иная форма глобальной политической интеграции неизбежна. Ее инструментом мог бы стать ЕС, если бы оказалось, что он эффективен. А чтобы быть эффективным, он должен быть более интегрированным (...) Если не найдется решение, запланированное политическими верхами, прошедшее переговорный процесс и претворенное в жизнь по определенному плану, если глобальный капитал не будет таким образом обуздан, то политическая глобализация будет осуществляться путем борьбы за мировое господство. А что такое борьба за мировое господство? Какими средствами она ведется? (...) Это означало бы конец мирной эпохи (...) Так сказал министр [Яцек] Ростовский [в Брюсселе]. Надеюсь, что он не окажется прав», — проф. Кароль Модзелевский. («Пшеглэнд», 8 янв.)

• «Может быть, не Соединенные Штаты Европы, но Европейская Федерация», — Александр Квасневский. («Ньюсуик-Польша», 5-11 дек.)

• «Председатель КНР принял президента Польши в монументальном зале Народного дворца (...) В тексте включающего 11 пунктов польско-китайского заявления (...) нет речи о правах человека. Президент Бронислав Коморовский на вопросы журналистов, поднимал ли он в беседе с председателем Ху Цзиньтао вопросы прав человека, ответил очень коротко: «Да, это очень важно, очень важно», — и отошел от микрофона (...) По случаю визита Коморовского в

понедельник в Пекине дал концерт оркестр Национальной филармонии под управлением Антония Витта. Шопена сыграл самый знаменитый китайский пианист Лан Лан». (Павел Вронский, «Газета выборча», 21 дек.)

- «В Китае, где права человека постоянно нарушаются, Польше есть о ком напомнить (...) Например, можно спросить о судьбе 12 буддийских монахов, которые подожгли себя в знак протеста против китайской политики в Тибете. Страна Иоанна Павла II, друга Далай-ламы, должна была это сделать (...) Требование освободить Лю Сяобо, члена ПЕН-клуба, поддержал незадолго до смерти Вацлав Гавел». (Мария Кручковская, «Газета выборча», 22 дек.)

- «Ночью со вторника на среду на приеме в посольстве президент Бронислав Коморовский вручил награды за вклад в развитие польско-китайских отношений и встретился с представителями независимых организаций — в т.ч. и с теми, кто был репрессирован властями». (Павел Вронский, «Газета выборча», 22 дек.)

- «В Польше удалось привить китайскую кухню. Может, удастся привить и польскую в Китае? (...) После китайского Нового года, т.е. после 22 января, в городе Фошань откроется ресторан «Сарматия» (...) В меню будет преобладать птица, а фирменным блюдом станет фазан с крыльями и хвостом на лепестках роз (...) Бигос будет появляться только зимой (...) Во время боевого крещения ресторана «Сарматия» (т.е. на банкете по случаю визита президента Бронислава Коморовского) китайские гости особое внимание уделили вареникам с капустой и грибами (...) Большим интересом пользовалась селедка на палочках. Китайцы мгновенно смели со стола и маковники (...) Помимо ресторана «Сарматия» в Фошани создаются пекарня, где будут печь польский хлеб, кондитерская, колбасная фабрика, где будут производиться польские колбасы и ветчины. В ресторане будут подавать польские алкогольные напитки (...) Все повара — поляки, но продукты используются китайские (...) До Второй Мировой войны польские столовые пользовались известностью в Харбине». (Павел Вронский, «Газета выборча», 2 янв.)

- Согласно опросу ЦИОМа, проведенному 1–8 января, президенту Брониславу Коморовскому доверяют 72% поляков. Следующие места занимают: премьер-министр Дональд Туск (52%), вице-премьер Вальдемар Павляк (51%), министр иностранных дел Радослав Сикорский (50%). Единственным политиком, которому большинство поляков не доверяет,

оказался Ярослав Качинский (54% недоверия и 28% доверия). («Газета wyborcza», 20 дек.)

- «Президент Бронислав Коморовский не поехал проводить в последний путь бывшего президента Чехословакии и Чехии, так как, по словам его советника проф. Томаша Наленча, у него было острое воспаление горла (...) Важно, что на похоронах были люди, хорошо знавшие Гавела, такие как Лех Валенса (...) Кроме Валенсы, из Варшавы прилетели также маршал Сената Богдан Борусевич и бывший премьер-министр Тадеуш Мазовецкий». («Жечпосполита», 24-26 дек.)

- «Ушел вечный диссидент. Вацлав Гавел был символом борьбы с коммунизмом, хорошим человеком и другом Польши (...) 6 августа 1978 г. на польско-чехословацкой границе встретились представители КОРа и «Хартии-77», которые сделали совместное заявление по случаю 10-й годовщины пражской весны. Вскоре после этого Гавел оказался в тюрьме (...) После его освобождения тайные встречи оппозиционеров продолжились в рамках созданной в 1981 г. «Польско-чехословацкой солидарности». Они проходили в горах Клодской земли, в некоторых из них Гавел принимал участие. Вначале главной целью был обмен информацией и неподцензурными изданиями. Потом к этому прибавились совместные акции, организация манифестаций, распространение книг и листовок, помощь семьям политзаключенных. «Это было уникальное для восточного блока явление. Дружба и сотрудничество между польской оппозицией и «Хартией-77» создали почву для возникновения Вышеградской группы, которая существует доныне», — сказал Богдан Борусевич, бывший оппозиционер, маршал Сената». (Малгожата Трыц-Островская, «Жечпосполита», 19 дек.)

- «Написанное простым, доступным языком эссе Гавела «Сила бессильных» показало нам, что коммунизм силен только с виду, что на самом деле он слаб, ибо построен на лжи. Прочтя «Силу бессильных», которая в наших кругах стала своего рода евангелием, мы поняли, что можем победить в этой борьбе, что наш противник не всемогущ. Гавел был подобен мальчику из сказки Андерсена, который крикнул: «Король голый». Тогда это было невероятно важно, тем более что Гавел не ограничивался словами. Он давал пример своими действиями и был для нас образцом во всех отношениях», — Генрик Вуец. («Жечпосполита», 19 дек.)

- «Как в условиях подполья создать издательство, выпускающее по две книги в неделю и обеспечивающее работой полторы сотни человек? (...) Чеслав Белецкий (по образованию

архитектор, а не менеджер) поставил на своем и управлял издательством CDN («Ciąg Dalszy Nastąpi», т.е. «Продолжение следует») железной рукой (...) Эта книга [Mateusz Falkowski. Biznes patriotyczny (Патриотический бизнес). Warszawa–Gdańsk: Europejskie Centrum Solidarności, 2011. 283 с.] захватывает, как детектив: в Польше подпольное издательское движение приобрело невиданный размах и, без преувеличения, было феноменом мирового масштаба. В записке МВД от июля 1981 г. госбезопасность оценивает, что перехватила около 25% изданий: в 1976 г. — 1,7 тыс. экземпляров, в 1977 — 14 тыс., в 1978 — 156 тыс., в 1979 — 300 тыс., а в 1980 — 500 тысяч (...) В период наибольшей активности издательство CDN, возникшее вскоре после введения военного положения, выпускало по две книги в неделю. Две книги! Несмотря на обыски, охоту, организованную госбезопасностью, и проблемы с бумагой, которой в ПНР не хватало (как и всего остального) и которую нужно было покупать нелегально (...) Несмотря на все это «фирма» разрасталась и обзавелась не только собственными типографиями, но и служебными машинами». (Адам Лещинский, «Газета wyborcza», 29 дек.)

• «У меня нет претензий к этому человеку [генералу Войцеху Ярузельскому] — он выполнял свою работу и делал то, что считал правильным. А мы делали то, что мы считали правильным (...) Он — из другого мира. В обиде я могу быть на людей из моего мира», — Данута Валенса. В ноябре вышла ее автобиография «Мечты и тайны». («Пшекруй», 19 дек.)

• «Я работала в подполье сознательно, знала, чем это грозит, и не удивляюсь, что немцы меня посадили. Я бы на их месте сделала то же самое. С чего бы мне чувствовать себя жертвой? (...) Спустя много лет после войны я не признавалась, что работала в подполье. Говорила, что нашла листовку, а немцы меня поймали. У меня есть знакомые, которые при ПНР проболтались и пошли сидеть второй раз. Своим дочерям я тоже не говорила, чтобы они кому-нибудь не рассказали», — Анна Гавликовская-Сверчинская, 90 лет, врач, в 18 лет была связной Союза вооруженной борьбы (впоследствии Армии Крайовой), а затем узницей женского концлагеря в Равенсбрюке. («Газета wyborcza», 24 дек.)

• «Визит Радослава Сикорского в Москву завершился подписанием совместно с Сергеем Лавровым переломного соглашения о малом приграничном движении между Польшей и Калининградской областью (...) Чтобы частично открыть границу для граждан России, Польша должна была получить согласие всех стран-членов ЕС и Европарламента (...) Сикорский

принял также участие в закрытой встрече с лидерами российской оппозиции. На встречу были приглашены лидеры незарегистрированной Партии народной свободы Борис Немцов и Владимир Рыжков, председатели обществ «Мемориал» и «Голос» Арсений Рогинский и Лилия Шибанова, а также экономист Владислав Иноземцев. На пресс-конференции после встречи с Лавровым Сикорский выразил радость в связи с «оживлением российского гражданского общества» (...) В интервью независимому радио «Эхо Москвы» он сказал: «Логика гонки вооружений разочаровывает (...) Мы предпочитаем логику открытых границ, а не утрашения»». (Витольд Гловацкий, «Польска», 16–18 дек.)

- «Соглашение о малом приграничном движении между частью Поморья, Вармии и Мазур и Калининградской областью позволит жителям приграничных территорий многократно пересекать границу. Начиная с лета для этого будет достаточно паспорта и специального разрешения за 20 евро, которое поначалу будет выдаваться на два года (в дальнейшем — на пять). Разрешение это дает право находиться по другую сторону границы не более 90 дней, а продолжительность одной поездки не может превышать 30 дней». (Нино Джикия, «Дзенник — Газета правна», 15 дек.)

- В Пушкинском музее открылась выставка «Польский плакат XIX и XX веков». На ней представлены работы самых выдающихся польских художников — в Польше таких днем с огнем не сыщешь. Почти все двести экспонатов подарил московскому музею польский коллекционер, библиофил и историк искусства Павел Эттингер, живший в Москве в 1889–1948 годах. («Жечпосполита», 21 дек.)

- Согласно опросу Pew Research Center, 57% литовцев положительно оценивают польское меньшинство в Литве, а 38% — отрицательно. Русское меньшинство положительно оценивают 77% опрошенных, а отрицательно — 20%. («Жечпосполита», 22 дек.)

- «Президент Даля Грибаускайте подвергла Польшу резкой критике за отказ от строительства в Литве атомной электростанции, обвинив ее в благоприятствовании России (...) Президент Литвы (...) сказала, что “Польша коммерциализирует свою внешнюю политику и предпочитает сделки с Россией партнерству с Литвой”». (Роберт Мицкевич, «Жечпосполита», 20 дек.)

- «Послы стран ЕС в Тель-Авиве сошлись во мнении, что Израиль дискриминирует своих арабских граждан, и

потребовали жесткой реакции Брюсселя (...) Эти планы расстроила Польша, а также поддерживавшие ее Чехия и Голландия. «Дискуссия по этому документу действительно состоялась. Некоторые содержащиеся в нем тезисы мы сочли слишком далеко идущими», — сказала посол Польши в Тель-Авиве Агнешка Магдзяк-Мишевская». (Петр Зыхович, «Жечпосполита», 17–18 дек.)

- «Яд-Вашем» объявил «Праведниками народов мира» членов варшавской семьи Доманских. Шуламит Карми, ныне живущая в Тель-Авиве, родилась в Польше в 1937 году. Когда ее родителей забрали немцы, четырехлетнюю девочку приютила варшавская проститутка, жившая в полуподвале, а затем — семья Доманских. Хотя все в доме знали, что Доманские прячут маленькую еврейку, никто не донес, и Шуламит удалось спастись. («Жечпосполита», 21 дек.)

- 5 января на экраны выходит новый фильм Агнешки Холланд «В темноте», рассказывающий о судьбах евреев, спасенных во Львове ассенизатором Леопольдом Сохой. Агнешка Холланд: «Мы должны относиться к такой истории как к зеркалу, в котором можно увидеть ужасное лицо человечества, наше собственное лицо (...) Жизнь прекрасна. Но затем приходит Катастрофа, и люди жгут своих соседей в овине или доносят жандарму, что ты еврей. Когда предает или убивает сосед, ощущение несправедливости гораздо больше, чем когда это делает иностранный захватчик. Ничего удивительного, что евреи, пережившие войну, уезжали отсюда, как с кладбища (...) Польский антисемитизм меняется. Он стал антисемитизмом без евреев — глубоко укорененным в языке и культуре, проявляющимся в (...) надписях: «Хорошо горели», — на памятнике в Едвабне». («Ньюсуик-Польша», 2–8 янв.)

- Ушел из жизни Леопольд Унгер (см. некролог в «Новой Польше» №1 за этот год). 2 сентября 2007 г. в берлинской Новой синагоге он сказал: «Я — еврей. Еврей из Львова, города трех народов: поляков, украинцев и евреев (не считая армян, караимов, татар и других) (...) Евреям в этом городе было нелегко: антисемитская кампания в политике сопровождалась экономическим бойкотом и нападениями националистических формирований (...) Мои родители родились и поженились в Австро-Венгрии, налаживали быт в независимой Польше, погибли в гитлеровской Германии, а похоронены в неизвестной могиле на советской Украине (...) Я мог бы обратиться к вам на более доступном языке: по-французски, по-английски или еще как-нибудь. Я выбрал польский. Почему? Потому что ровно 68 лет назад, в сентябре

1939 года, когда на мой Львов падали немецкие бомбы, именно на этом языке я сказал моим родителям: «До свидания». Тогда я видел их в последний раз». («Газета выборча», 22 дек.)

- «Антисемитский рисунок рекламирует столицу. В календаре, изданном варшавским магистратом, напечатан антиеврейский плакат. Чиновники не видят в этом ничего плохого. Варшавская ратуша подготовила календарь на 2012 год, иллюстрированный довоенными плакатами из собрания музея в Вилянове. Один из них рекламирует журнал «Розвуй» («Развитие»). На плакате изображен солдат, истребляющий с помощью огнемёта крыс с пейсами, в ермолках, украшенных звездой Давида». («Жечпосполита», 24–26 дек.)

- «Члену Национально-радикального лагеря, водителю туристских вагончиков в Хохоловской долине [Татр], носившему одежду с расистской символикой, предъявлено обвинение в разжигании национальной ненависти. Прокуратура в Закопане отреагировала на жалобы туристов (...) Мужчина, управлявший вагончиками, был одет в футболку с перечеркнутой звездой Давида (...) Туристы, обратившиеся в закопанскую полицию, видели этого же мужчину в других футболках с шовинистическими надписями и символами». (Бартломей Курась, «Газета выборча», 19 дек.)

- «Левые анархисты нарисовали мишень на двери кабинета сотрудника Люблинского университета им. Марии Кюри-Склодовской, который положительно оценил ходатайство о легализации символов, используемых организацией «Национальное возрождение Польши» (...) Ранее в том же городе неонацисты пытались запугать подобными методами эксперта, отрицательно оценившего их действия. «Жечпосполита», написавшая о первом случае, о втором даже не заикнулась. «Газета выборча», широко освещавшая второй случай, о первом упомянула лишь вскользь». («Тыгодник повшехный», 25 дек.)

- «Мулла Абдул Вахил занимался организацией нападений на войска НАТО в провинции Газни. Польские солдаты взяли его живым, когда он спал. Вахил находился в списке самых разыскиваемых афганских преступников». («Жечпосполита», 23 окт.)

- «Командир одной из самых опасных групп бунтовщиков Мохаммад Омар схвачен в пятницу польскими солдатами в афганском уезде Гиро. Омар несет, в частности, ответственность за нападения на польские войска». («Жечпосполита», 3–4 дек.)

- «В среду на дороге, соединяющей Кабул с Кандагаром, погибли бойцы 20-й Бартошицкой механизированной дивизии: старший капрал Петр Ценельский, старшие рядовые Лукаш Кравец, Мартин Щуровский и Марек Томаля и рядовой Кристиан Банах. Солдаты охраняли группу по восстановлению провинции (...) С весны 2007 г., когда началась афганская миссия, польская армия потеряла 35 военнослужащих и одного гражданского медработника». («Газета wyborcza», 22 дек.)

- «Погибшие были воинами, которые за деньги убивали других и сами готовы были умереть. Они отдали себя в распоряжение государства, которое может располагать их совестью и жизнью. Польша создала профессиональную армию, и у власти нет даже законодательной обязанности спрашивать солдат, согласны ли они идти в бой, — она может просто приказать им. Даже если цель — всего лишь тренировка армии в боевых условиях (...) Каждый погибший в Афганистане солдат — это высокая цена, и никто не отважится сказать, что ее стоило заплатить за боевую выучку армии. Но проржавевшей армии теоретиков невелика цена. Солдаты существуют для того, чтобы сражаться — убивать и погибать». (Анджей Талага, «Жечпосполита», 24-26 дек.)

- «Сейчас присутствие польских военных в Афганистане обосновано лишь одним: политическим вкладом в будущее НАТО, от которого зависит наша безопасность. Все остальные аргументы (в т.ч. и нравственно-прометейские — о несении свободы другим народам) были скорректированы реалиями (...) Если мы покажем, что мы, НАТО, проиграли в такой стране, как Афганистан, то это будет означать, что никто не сможет справиться с ситуацией и в других странах с неистовыми радикалами». (Войцех Пентяк, «Тыгодник повсехный», 1 янв.)

- «В Сейме прошли дебаты о польской внешней политике (...) «Суверенность измеряется не столько числом штыков, сколько размером долгов», — напомнил Дональд Туск критиковавшим его депутатам от «Права и справедливости» (Пис)». («Тыгодник повсехный», 25 дек.)

- «В 2011 г. задолженность выросла, но не превысила 54% ВВП. Она была бы выше, если бы не интервенции на валютном рынке и не покупка ценных бумаг казначейства. В итоге отношение государственного долга к ВВП не превысило т.н. 2 го предупредительного порога. Если бы это произошло, возникла бы необходимость в дальнейшей экономии бюджетных средств, а это привело бы к увеличению НДС на 1%». («Жечпосполита», 31 дек.)

- «Как сообщил министр финансов, бюджетный дефицит был ниже прогнозируемого, а дыра в государственных финансах в этом году уменьшится до 2,97% (...) Яцек Ростовский сказал, что к концу 2011 г. дефицит сектора государственных финансов оценивался в 5,6% ВВП, а бюджетный дефицит — приблизительно в 25 млрд. злотых. Это на 15 миллиардов меньше, чем было записано в бюджете на 2011 год». («Жечпосполита», 7–8 янв.)

- «Польша признана страной, где инвесторов ждут серьезные опасности (...) Аналитики швейцарского инвестиционного банка «Креди Сюисс» не верят обещаниям польского правительства снизить в 2012 г. бюджетный дефицит до 3% и заверениям, что государственный долг не превысит записанных в конституции 55%. «Креди Сюисс» считает, что достижение таких завышенных целей невозможно». («Жечпосполита», 23 дек.)

- «В то время как рейтинговые агентства понижают рейтинги всё новых стран ЕС (...) агентство «Мудис» сохранило кредитный рейтинг Польши на уровне A2. Агентство похвалило устойчивость нашей экономики к кризису еврозоны и с удовлетворением восприняло обещание правительства уменьшить государственный долг». («Тыгодник повшехный», 1 янв.)

- «Польский национальный банк (ПНБ) одолжит Международному валютному фонду более 6 млрд. евро (...) на спасение погрязших в долгах стран еврозоны (...) Деньги на кредит будут выделены из валютного резерва ПНБ, который по состоянию на конец ноября составляет 74,3 млрд. евро (...) Выделение Польшей 6 млрд. евро на кредит МВФ означает, что квота, предназначенная ПНБ на финансирование МВФ, увеличится до 9 млрд. евро. В середине ноября Центробанк сообщил о подписании т.н. Новых соглашений о займах МВФ». (Лукаш Вилькович, «Жечпосполита», 20 дек.)

- «В среду Европейский суд справедливости пришел к заключению, что Польша нарушает закон, ограничивая Открытым пенсионным фондам (ОПФ) возможность инвестировать за границей. За пределами Польши они могут инвестировать не более 5% накопленных средств будущих пенсионеров. Приговор суда означает, что этот лимит должен быть увеличен — по всей видимости, до 30%. Именно такая доля иностранных инвестиций предусмотрена соответствующей европейской директивой о пенсионных программах (...) Однако более вероятно, что правительство воспользуется приговором суда в своих целях (...) Если в

бюджете будет брешь, правительство может добраться (...) и до 230 млрд. злотых, которые мы накопили в ОПФ за 11 лет (...) Еще до решения суда премьер-министр Дональд Туск на вопрос о будущем ОПФ ответил, что «возможны любые сценарии» (...) Приговор суда может лишь ускорить конец ОПФ. Тогда бюджет будет ненадолго спасен, но с интересами будущих пенсионеров это не будет иметь ничего общего». (Мартин Бояновский, «Газета wyborcza», 23 дек.)

- «В третьем квартале наши доходы (...) выросли на целых 6,6%. Это самый большой скачок за последние три года (...) В Польше в конце сентября средняя зарплата составляла 755 евро, в Эстонии — 809 евро (...) Значительный рост зарплат в нашем регионе — это прежде всего результат хорошего состояния экономики. В отличие от стран старого ЕС польский ВВП вырос в третьем квартале на 4,3%, эстонский — на 8,5%». («Жечпосполита», 10 янв.)

- В ноябре инфляция выросла на 4,8% (...) Дорожают топливо, продукты питания и... лекарства». («Газета wyborcza», 14 дек.)

- «По данным Евростата, в 2011 г. реальные доходы среднестатистического польского крестьянина были почти на 74% выше, чем в 2005 году. Более заметный рост доходов был отмечен только у фермеров из Эстонии (87,3%) и Венгрии (почти 75%). Во всём ЕС за последние шесть лет рост доходов составил 18,3% (...) Только в 2011 г. доходы крестьян с учетом инфляции выросли на 14,2%. В среднем по ЕС эта цифра составляет 6,7%». («Жечпосполита», 3 янв.)

- «Почти 2 млн. работающих поляков не в состоянии прожить на зарплату, — говорится в докладе Европейской комиссии. В самых бедных семьях на человека приходится менее 588 злотых в месяц (...) В такой ситуации живут 12% трудоустроенных поляков (...) Самое тяжелое положение у неквалифицированных рабочих: 28% рабочих с неоконченным средним образованием живут в бедности (...) 13% поляков со средним образованием не могут прокормить семью на заработанные деньги. Среди выпускников вузов эта доля составляет только 3%». (Мартин Бояновский, «Газета wyborcza», 29 дек.)

- «“Я не могу тебе сказать, сколько зарабатываю, — говорит Александра Квасневская, дочь бывшего президента Польши. — Не могу, потому что боюсь (...) Всегда найдутся люди, у которых твой заработок вызовет агрессию и зависть. Или наоборот — восхищение и уважение. А я не хочу, чтобы на меня смотрели сквозь призму денег” (...) Яцек Санторский, психолог:

«Исследования показывают, что только 12% поляков доверяют кому бы то ни было, кроме ближайших родственников. Поэтому проблема заключается не в том, что люди не делятся друг с другом информацией о зарплате, а в том, что они не делятся никакой информацией (...) Даже два отдела одной фирмы скрывают друг от друга некоторые сведения» (...) Проф. Виктор Осятынский: «(...) Не скажу — я боюсь зависти. Кто-нибудь может подумать: посмотрите, сколько зарабатывает этот сукин сын. Ведь в Польше человек, зарабатывающий немного больше, по-прежнему считается сукиным сыном. Боюсь я и того, что люди начнут сплетничать, а в СМИ оболуют грязью». Ирена Венцель, специалист по человеческим взаимоотношениям: «(...) Я не говорю об этом даже своему ребенку (...) Мало ли — расскажет учителям (...) Они могут это как-то использовать. А могут начать завидовать, и потом от этого будет страдать ребенок. Я боюсь таких вещей (...) Зависть — это страшная сила»». (Томаш Квасневский, «Газета wyborcza», 29 дек.)

- «В 2012 г. минимальная зарплата будет составлять 1500 злотых». («Жечпосполита», 2 янв.)
- «К концу года уровень безработицы составил 12,5%. В центрах занятости зарегистрировано более 1,98 млн. безработных (...) За год уровень безработицы вырос на 0,1%». («Жечпосполита», 7-8 янв.)
- «Фирмы, устраивающие на работу иностранцев, утверждают, что власти потихоньку, но последовательно ограничивают приток иностранных специалистов (...) Польскую визу с правом на работу всё труднее получить не только в Египте или Тунисе. Проблемы возникают и в большинстве польских консульств в Азии». (Збигнев Лентович, «Жечпосполита», 19 дек.)
- «В 2012 г. в 110 поветах из 314, т.е. на трети территории Польши, безработные, имеющие право на пособия, будут получать их в течение 12 месяцев, а в остальных — в течение шести (...) Год пособие платят там, где в конце июня предыдущего года уровень безработицы был более чем на 50% выше, чем средний по стране (...) Пособия получают относительно немногие (...) В ноябре 2010 г. во всей Польше таких людей было всего 305 тыс. и они составляли лишь 15,9% от общего числа безработных (...) Безработный имеет право на пособие только в том случае, если на протяжении 18 месяцев, предшествовавших его регистрации, он проработал, получая хотя бы минимальное вознаграждение, по меньшей мере 365 дней (...) В т.н. старых странах ЕС пособие получают 70-80%

безработных». (Януш К. Ковальский, «Дзенник — Газета правна», 2 янв.)

• «“Лодзинская нищета — это порой по семь человек в комнате, фекалии в целлофановом пакете (потому что туалета нет), привязанная к печке собака на обед, полуголые младенцы на газете, заменяющей пеленку. Я хожу по этим домам и всё это вижу. К нам попадают дети, которым несколько лет, а они не умеют говорить, потому что дома с ними никто не разговаривает. Туберкулез, чесотка, вшивость. Родители не моют своих детей и даже не обнимают”, — говорит Иза Колецкая из фонда “Опока”». (Агнешка Уразинская, Мартин Маньковский, «Газета wyborcza», 29 дек.)

• «Все еще существует возможность возвращения Ярослава Качинского к власти. Открыть эту возможность может кризис, на который председатель Пис совершенно справедливо рассчитывает (...) Тогда политические настроения и симпатии могут измениться. Ярослав Качинский очень умело (...) устранил или отодвинул на второй план всех конкурентов, которые были бы способны повести за собой восприимчивый к популизму электорат. Ни «Самооборона», ни «Лига польских семей» уже не представляют реальной опасности. Теперь популистский электорат сосредоточен вокруг «Права и справедливости», и никакие расколы (...) этого не изменяют (...) Качинский создал политическую силу, которая использует значительный потенциал (...) разочарования и ощущения несправедливости. Беда заключается в том, что Пис обещал этим людям не изменить к лучшему их жизнь, а разделаться с теми, кого они ненавидят. Это означает, что Пис не поможет неимущим, но прогонит тех гадов, которым повезло», — проф. Кароль Модзелевский. («Пшеглэнд», 8 янв.)

• Согласно опросу TNS ЦИОМ, проведенному 8–11 декабря, «Гражданскую платформу» (ГП) поддерживают 38% поляков, Пис — 27%, Движение Паликота — 8%, крестьянскую партию ПСЛ — 7%, Союз демократических левых сил (СДЛС) — 6%. Затруднились с ответом 12% опрошенных. («Газета wyborcza», 15 дек.)

• «Несколько депутатов заметили, что в залах Сейма, где заседают комиссии, появились распятия. Кто их повесил, неизвестно». («Жечпосполита», 19 дек.)

• «Эксперты, назначенные маршалом Сейма Эвой Копач, пришли к заключению, что для удаления символа христианства из зала заседаний Сейма нет юридических оснований — тем более что он является также символом

универсальных ценностей, а в контексте истории Польши — символом национального единства». («Тыгодник повсехный», 25 дек.)

• «Образ Церкви, представленный в СМИ, чаще всего неполон, поверхностен, иногда явно тенденциозен (...) Сегодня мы сталкиваемся с систематической, непрестанной подачей только отрицательной, зачастую ложной информации о Церкви (...) В частных, а также и государственных СМИ преобладает точка зрения радикального антиклерикализма (...) К счастью, есть католические СМИ, которые хорошо выполняют свою миссию», — архиепископ Юзеф Михалик, председатель Конференции Епископата Польши. («Гость недзельный» («Воскресный гость»), католический еженедельник», 25 дек.)

• «ЦИОМ провел исследование слушателей радио «Мария». Среднестатистический слушатель этой радиостанции — женщина старше 64 лет, пенсионерка, вдова, жительница деревни с неполным средним образованием, получающая в месяц от 751 до 1000 злотых (...) Но 20% опрошенных еще не исполнилось 45 лет, 25% живут в городах с населением более 100 тыс. жителей, треть имеет среднее или высшее образование, половина получает средние доходы, а 25% считают, что живут в достатке. Слушатели радио «Мария» доверяют Ярославу Качинскому и Антонию Мацеревичу, а не доверяют Янушу Паликоту и Дональду Туску (...) Однако на президентских выборах 2010 г. более трети опрошенных проголосовали за Бронислава Коморовского, а на парламентских выборах 2011 г. 70% поддержали ПиС и всё-таки 14% — ГП. Участие в парламентских выборах приняли 72% слушателей радио «Мария»». («Газета выборча», 31 дек. — 1 янв.)

• В возрасте 73 лет умерла звезда польской эстрадной песни Виолетта Виллас. К воротам ее дома приходят совершенно чужие ей люди и зажигают свечи. («Политика», 14-20 дек.)

• «За последние дни в варшавский приют «На Палюху» попало около 50 брошенных собак. В настоящее время на четырех гектарах там живут 2089 собак и 102 кошки. «В прошлом году в это время года мы приняли 65 бездомных животных», — говорит директор приюта Ванда Дейнарович (...) «Сейчас еще не закончились зимние каникулы, поэтому дети играют с живыми игрушками, но как только школьники вернутся в школу, сразу начнется волна подброшенных зверей (...)», — с грустью констатирует Изабела Дзялак, директор приюта в Целестинове, где живут около 400 бездомных животных». («Жечпосполита», 29 дек.)

• «Карина Шверцлер, уполномоченная свентокшиского воеводы по правам животных, часто ездит по вызовам: «В Бялке близ Илжи я помогала ликвидировать фабрику по производству собачьего смальца, созданную в гминном приюте для бездомных животных. Шкуру с собак там срывали живьем — якобы тогда смалец полезнее. Лишь потом им отрубали головы»». («Впрост», 19 дек. — 1 янв.)

• «Ежегодно правоохранительные органы ведут более 1,5 тыс. следствий по делам об издевательствах над животными (в 2010 г. было возбуждено 1754 таких следствия). С 1 января 2012 г. людей, нарушающих права животных, должны наказывать значительно строже (...) «Необходим новый административный орган — инспекция по защите животных. Только такой орган может надлежащим образом контролировать соблюдение прав животных», — считает Богумила Форман из Польского фонда защиты животных». (Адам Макош, «Дзенник — Газета правна», 2 янв.)

• «С 1 января вступает в действие директива ЕС по улучшению условий содержания кур. Новые клетки должны быть просторны, оборудованы поилками, насестами и «скребками» — приспособлениями для стирания когтей. Стоимость оборудования одного места составляет около 10 евро. При средних размеров птицеферме, где живут 16 тыс. кур, это означает расходы порядка 700–800 тыс. злотых (...) В клетках старого типа всё еще держат около 4 млн. кур (...) После Нового года яйца, производимые на фермах со старыми, тесными клетками, не будут допускаться к продаже в магазинах. Новое законодательство разрешает использовать их только в промышленных целях (...) В настоящее время в Польше живет 31 млн. кур-несушек». (Патриция Отто, «Дзенник — Газета правна», 30 дек. — 11 янв.)

• «В Польше карпов едят только раз в году, зато массово (...) Это гекатомба, сравнимая с тем, что американцы устраивают индейкам в День благодарения. Хотя там президент всегда устраивает помилование одной индейки (...) В деревне люди до сих пор дают имена телятам и поросятам, но, когда приближаются праздники, начинают точить ножи (...) Теперь (...) фабрики смерти спрятаны от посторонних глаз (...) Мы не видим кур или, скорее, подключенных к сети яйценок и свиней, которые всю жизнь проводят в клетках, где невозможно даже повернуться, после чего перерабатываются на отбивные (...) Один раз я убил карпа. Когда ты перерезаешь ему спинной мозг, он страшно дергается, словно через него пропустили ток. В твоих руках. Это ужасно (...) Иногда (не в

сочельник) я делаю заливного карпа по рецепту моей бабушки...» (Сергиуш Ковальский, «Газета выборча», 23 дек.)

• «Два года назад удалось принять поправки к закону о защите животных, обеспечивающие рыбам такую же защиту, как другим позвоночным. Однако проблема заключается в выполнении закона. Клуб «Гайя» собирает подписи под петицией к главному ветеринару, призывающей его обратить внимание поветовых инспекторов на несоблюдение закона при торговле карпами. Генеральный прокурор Анджей Серемет приказал своим подчиненным не игнорировать эту проблему. Транспортировка рыбы без воды или ее упаковка в полиэтиленовые пакеты является нарушением закона». («Политика», 14-20 дек.)

КАТЫНЬ — ГЕНОЦИД ИЛИ ВОЕННОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ?

Издаваемый Польским институтом международных дел ежеквартальный журнал «Справы мендзынародове» («Международные дела») в №2 за 2011 г. опубликовал обширную, на 70 журнальных страниц (!), полемику двух специалистов в области международного права из Варшавского университета — Кароля Карского и Патриции Гжебык — о том, считать ли катынское преступление геноцидом или же военным преступлением ^[1].

Кароль Карский — авторитетный специалист в области международного права, в феврале 2011 г. он защитил в Варшавском университете докторскую (в российской терминологии) диссертацию по этой тематике. Кроме того, Кароль Карский — известный политик, бывший замминистра иностранных дел, один из активистов партии Ярослава Качинского «Право и справедливость», депутат Сейма двух предыдущих созывов. На последних парламентских выборах в октябре 2011 г. он также выдвигался по варшавскому списку партии, но не набрал достаточного количества голосов. Как политик и депутат, он известен, в частности, тем, что в 2008 г. настаивал на привлечении к уголовной ответственности пилота, отказавшегося по соображениям безопасности выполнить указание президента Леха Качинского лететь непосредственно в Тбилиси в период российско-грузинского конфликта (в итоге польский президент добирался до Тбилиси несколько круглым путем). Попытка наказать не удалась, военная прокуратура не нашла в действиях пилота состава преступления, а министр обороны его даже поощрил.

Патриция Гжебык — адъюнкт Варшавского университета, кандидат (в российской терминологии) политических наук. Имеет два высших образования в области юриспруденции. Все три диплома — два вузовских (2005 и 2006) и кандидатский (2010) — с отличием.

Этот вопрос, по-видимому, остается одним из самых важных в продолжающихся попытках российских и польских властей решить катынскую проблему на политическом и юридическом

уровнях, обнародовать все накопленные материалы и оставить тему историкам для их дальнейших исследований.

Вопрос важен и в связи с рассмотрением исков нескольких катынских семей в Европейском суде по правам человека (Страсбург); в ближайшие месяцы следует ожидать решения суда, так как все процедурные действия уже выполнены и в начале октября состоялись открытые слушания по делу с привлечением всех сторон — представителей катынских семей и российского правительства, а также польского правительства как третьей стороны процесса.

Сразу скажу, что Кароль Карский является сторонником квалификации Катыни как геноцида, а Патриция Гжебык — как военного преступления.

Недавно, 7 октября 2011 г., в том же институте в Варшаве состоялись публичные дебаты авторов^[2].

Вел дебаты известный журналист и публицист Марчин Войцеховский, незадолго до этого опубликовавший в «Газете wyborчей» краткую рецензию на опубликованные материалы. В рецензии он отметил деловой, неполитизированный характер спора.

Такое прямое и открытое сопоставление двух разных точек зрения на юридическую квалификацию катынского преступления проведено в Польше впервые. До недавнего времени в стране преобладало мнение, что Катынь следует квалифицировать как геноцид. В частности, так считали и считают до сих пор некоторые историки и юристы Института национальной памяти. В обосновании решения ИНП о начале расследования катынского дела (2004) указывается, что катынское преступление — это военное преступление и преступление против человечества. Вместе с тем отмечается, что «убийство польских военнопленных и польского гражданского населения (...) было мотивировано намерением уничтожить часть польской национальной группы. По этой причине данные действия соответствуют составу преступления геноцида, определенному Конвенцией о предотвращении геноцида и наказании за это преступление»^[3].

В пользу квалификации Катыни как геноцида высказывается и руководитель следственной группы ИНП Малгожата Кузняр-Плота в недавнем сборнике статей о катынском преступлении^[4].

Однако, во всяком случае сейчас, на официальном сайте Института национальной памяти в информационном разделе о проводимом ИНП катынском расследовании нет слов о геноциде, а в самом названии расследуемого дела фигурируют только «убийства, представляющие собой военное преступление и преступление против человечества» (ipn.gov.pl/portal/pl/754/12441/sledztwo.html).

Советник президента Польши по международным делам проф. Роман Кузньяр весной 2011 г. подчеркнул, что считает катынский расстрел «военным преступлением, имеющим признаки геноцида» (wiadomosci.gazeta.pl/wiadomosci/1,114873,9451448,Kuzniar_o_Katyniu__zbrodnia_wojenna__ktora_ma_znamiona.html). И что «в юридических категориях здесь значимым является первый термин». Кузньяр напоминает, что точно так же определил катынское преступление и польский Сейм в своем постановлении, принятом в сентябре 2009 года. Известный эксперт в области международного права Януш Симонидес считает, что такая формулировка представляется наиболее приемлемой, «так как она позволяет квалифицировать это преступление как военное и направленное против человечества, а они не имеют срока давности. Это определение отвечает внутренним ожиданиям [поляков] и одновременно подчеркивает, что катынское преступление не соответствует всем юридическим критериям геноцида» (wyborcza.pl/1,76842,9411990,Dlaczego_zbrodnia_katynska_nie_est_ludobojstwem.html). Русский перевод: www.inosmi.ru/poland/20110411/168294177.html).

Какие же аргументы при квалификации катынского преступления использовали Кароль Карский и Патриция Гжебек в своей состязательной полемике в журнале, а также во время публичных дебатов?

Чтобы читатель лучше понял суть спора, кратко поясню терминологию, основываясь на высказываниях польского эксперта Януша Симонидеса (см. уже приведенную ссылку, в том числе на русский перевод его интервью, сделанный порталом ИноСМИ). Термин «геноцид» появился в 1944 году, для обсуждаемой проблемы важным в нем является принадлежность жертв к одной этнической или национальной группе. Причем, именно такая принадлежность должна быть основным мотивом преступления. При рассмотрении дела в международном суде требуются четкие доказательства мотива, а не только самого преступления как такового. По-моему, об этом часто забывают. В случае Катыни доказать этнический

мотив расстрела совсем не просто, если вообще возможно. В 1948 году ООН приняла конвенцию о геноциде, ранее же подобные преступления трактовались как военные или преступления против человечества. В принятой ООН в 1968 году конвенции о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества, к которой присоединились как Польша, так и СССР, геноцид вообще не упоминается. По мнению Симонидеса, распространенное в Польше желание использовать в отношении Катыни термин «геноцид» проистекает в основном из эмоций.

Вероятно, Симонидес имеет в виду языковую особенность, о чем мне неоднократно доводилось говорить полякам при обсуждении катынских вопросов. В польском языке термин «геноцид» в его международном звучании отсутствует, его польский юридический аналог — “*ludobójstwo*”, что имеет еще и всем понятный обыденный смысл как массовое убийство людей, «людобуйство». Конечно, в таком понимании Катынь была «людобуйством», и именно поэтому отказ от квалификации этого преступления как геноцида вызывает у многих сопротивление и неприятие. А юристы — как «отрицатели», так и сторонники — имеют в виду юридический термин, не более того.

Кароль Карский в журнальной полемике и в дебатах представил свои доводы в пользу квалификации Катыни как геноцида. Главным является то, что, по его мнению, преступление было совершено по национальному признаку и поэтому подпадает под международную конвенцию о преступлении геноцида и наказании за него, принятую Генеральной Ассамблеей ООН в 1948 году^[5].

Более того, Кароль Карский утверждает, что Катынь следует рассматривать в русле более общих гонений на поляков — гонений именно по национальному признаку, в том числе с учетом «польской операции» НКВД 1937–1938 годов. При этом он, возражая Патриции Гжебек, ссылается на статью российских историков Никиты Петрова и Арсения Рогинского^[6].

Он пишет: «Среди российских историков стало уже каноном отмечать, что катынское преступление было обусловлено неприязнью Сталина к полякам из-за поражения в войне 1920 года». Однако, должен заметить, что в статье Н.Петрова и А.Рогинского говорится почти противоположное: «Меньше всего массовость репрессий по «польской линии» определялась

какой-то специальной личной нелюбовью Сталина к полякам. Дело было не в поляках как таковых, а в Польше. Аналогичным образом обстояло дело и с другими национальными операциями,... они были проведены «по линиям» практически всех стран «враждебного окружения», но не национальность была в них критерием «преступности», а рождение или проживание в такой стране или наличие любого вида связи с ней... Сам по себе анкетный принцип был вполне традиционным в репрессивной практике ОГПУ-НКВД, но касался обычно классового, социального или политического прошлого репрессируемых» [7].

Как следует из приведенной цитаты, Сталин уничтожал «врагов», а не народности, если говорить о репрессиях до Великой Отечественной войны, включая сюда и Катынь.

Патриция Гжебык перечислила основные моменты, по которым Катынь не попадает под определение геноцида, охватывающее, согласно Конвенции 1948 года, группы людей, которым грозило истребление и которые отбирались по национальному, этническому, расовому или религиозному признакам. Чтобы говорить о геноциде, необходимо доказать, что преступник действительно имел намерение уничтожить одну из таких групп. Не так трудно доказать, что уничтожены сотни или тысячи человек, но трудно доказать, что они погибли только за принадлежность к данной группе. Поэтому в международных судах зачастую первоначальную квалификацию преступления как геноцида заменяют на преступление против человечества или на военное преступление. В Конвенции не упоминаются политические, социальные, языковые или еще какие-то другие группы. Именно СССР на Генеральной Ассамблее ООН в 1948 году воспротивился включению в Конвенцию групп, отбираемых по политическому или идеологическому признакам. А катынский расстрел наряду со многими другими сталинскими преступлениями был как раз таким, как выше уже отмечалось со ссылкой на Н.Петрова и А.Рогинского.

Патриция Гжебык также подчеркивает, что Сталину нельзя приписать расовых или национальных предубеждений (речь идет о довоенном периоде). Если он уничтожал какие-то группы, то по классовым или идеологическим причинам, а не по национальным или этническим. Он не преследовал всех поляков или всех немцев, а только определенные социальные группы. В советский плен попали 250 тысяч польских военнослужащих, среди них 15 тысяч офицеров, большинство последних и уничтожили как классово опасных. Офицеры и

некоторое количество гражданских лиц были расстреляны не потому, что входили в состав определенной этнической группы, а потому, что представляли собой опасность для советской власти и не давали шансов на просоветскую ориентацию Польши.

Дополнительной проблемой в признании Катыни геноцидом служит необходимость ретроактивного (имеющего обратную силу) применения Конвенции 1948 года к преступлению 1940 года.

С другой стороны, квалификация Катыни как военного преступления практически не вызывает сомнений. Патриция Гжебык подчеркивает, что факт объявления войны для квалификации преступления как военного вовсе не требуется, достаточен факт ведения боевых действий и наличия военнопленных. Термин «военнопленные» применительно к полякам никогда не отрицался советской стороной, не отрицается и российской (например, этот термин упоминался российским представителем на открытых слушаниях по Катыни в Страсбурге 6 октября 2011 г.).

Патриция Гжебык отмечает, что при квалификации Катыни как военного преступления нет проблемы ретроактивного применения международных договоренностей. Существуют давние Гагская (1907 г.) и Женевская (1929 г.) конвенции об обращении с военнопленными, много раз применявшиеся.

Наряду с военным преступлением, Катынь, понимаемая в широком смысле (расстрел не только военнопленных из трех лагерей, но и узников тюрем, где большинство были гражданскими лицами), в рамках международного права является еще и преступлением против человечества, и доказываться это тоже легко, учитывая общие масштабы сталинских репрессий в отношении гражданского населения – поляки тут составляют лишь небольшую часть. Обе категории преступлений (военное и против человечества), как преступления в рамках международного права, не имеют срока давности, соответствующая конвенция была принята ООН в 1968 году, СССР ее ратифицировал в 1969 г.

Как подчеркивает Патриция Гжебык, в польско-российских отношениях катынская проблема состоит, в частности в том, чтобы признать, что катынский расстрел не был уголовным преступлением, для которого истек срок давности (как считает Главная военная прокуратура России, прекратившая в сентябре 2004 года свое расследование катынского дела), а

преступлением в категориях международного права, не имеющим срока давности.

Как Патриция Гжебык, так и некоторые другие польские юристы и историки (в частности, Анджей Пшевозник в своих публикациях) отмечают, что последовательным сторонником квалификации Катыни как военного преступления является российское общество «Мемориал». Они приводят в пример прошлогоднее интервью Александра Гурьянова польскому журналу, в котором говорится следующее: «А было ли это геноцидом? Есть признаки, но не бесспорные... Главный аргумент сторонников — национальный, 97 процентов убитых военнопленных были поляками. Но уже в случае так называемого украинского списка значительную часть составляли евреи и украинцы, даже украинские националисты, которые, будучи формально польскими гражданами, выступали против «польскости». Не уверен, что Сталин руководствовался критерием национальности, он намеревался уничтожить значительную группу представителей определенной идеи польской государственности, а это уже не совсем подходит под определение геноцида... Признание Катыни военным преступлением и преступлением против человечества намного труднее оспорить. Прокуратура не могла бы подвести это дело к сроку давности и оспорить такую квалификацию, как она это делает в случае оценки Катыни как геноцида» [8].

Цитата А. Гурьянова о квалификации преступления приведена также в статье А.Пшевозника «Катынское преступление» в книге «Белые пятна — черные пятна. Сложные вопросы в российско-польских отношениях», 2010, Москва, Аспект-Пресс, стр. 333.

После дебатов Кароля Карского и Патриции Гжебык состоялось краткое обсуждение. Один из выступавших сделал интересное предложение. Польше следует обратиться в Международный суд ООН с предложением признать Катынь геноцидом. Ответ, скорее всего, будет отрицательным, но тогда суд должен будет высказаться, что же это такое было — и всплывет военное преступление и преступление против человечества, что будет зафиксировано решением Международного суда. Вот такая предлагается двухходовка.

Дебаты и дискуссия вызвали заметный интерес СМИ — с участием ТВ и радио. На следующий день довольно подробное сообщение Польского агентства печати вышло под заголовком «Эксперты: Катынь — это скорее военное преступление».

В заключение хотелось бы отметить, что публичные дебаты по такому эмоциональному для польского общества вопросу прошли, в целом, без излишнего политизирования и при спокойном уважительном отношении участников друг к другу, что в подобных случаях редкость.

Накануне варшавских дебатов о квалификации катынского преступления в Европейском суде по правам человека в Страсбурге состоялись открытые слушания по иску нескольких катынских семей, добивающихся от России доступа к полной информации об их погибших родственниках и их реабилитации. Это наложило отпечаток на дебаты, в последовавшей дискуссии Страсбург много раз упоминался. Один из выступавших оценил факт, что вопросы в ЕСПЧ задавал только российский судья, таким образом, что, дескать, остальным судьям и так все ясно, настолько польская сторона была убедительнее. По-моему, все иначе, остальные судьи просто не так хорошо ориентируются в теме, чтобы задавать вопросы после подробных выступлений сторон. Более того, полагаю, что предоставление возможности задать вопросы именно российскому судье — это знак некоторой лояльности суда к позиции российской стороны. В этой связи особенно важным представляется достижение между Польшей и Россией согласия в отношении квалификации Катыни как военного преступления. Добавлю, что на слушаниях в Страсбурге слово «геноцид» не прозвучало ни разу. Краткий отчет о слушаниях в Страсбурге приведен в моем блоге в российском интернете на основе прослушивания интернет-трансляции судебного заседания: <http://dassie2001.livejournal.com/111202.html>

20 декабря 2011 г.

-
1. Karski Karol. Mord kатыński jako zbrodnia ludobójstwa w świetle prawa międzynarodowego // Sprawy międzynarodowe. 2011. №2, str.51-82; Grzebyk Patrycja. Mord kатыński — problematyczna kwalifikacja (w związku z artykułem Karola Karskiego) // Там же, с.83-102; Karski Karol. Mord kатыński jako zbrodnia ludobójstwa — w odpowiedzi na polemikę Patrycji Grzebyk // Там же, с.103-117; Grzebyk Patrycja. Mord kатыński — replika // Там же, с.118-122.
  2. Краткий отчет о дебатах вместе с фотографиями есть в моем блоге: dassie2001.livejournal.com/111500.html
  3. Цит. по: Пшевозник А.. Катынское преступление // Белые пятна — черные пятна. Сложные вопросы в российско-польских отношениях. М.: Аспект-Пресс, 2010, с.333.

4. Kuźniar-Plota M. Kwalifikacja prawna zbrodni kатыńskiej — wybrane zagadnienia // Zbrodnia kатыńska w kręgu prawdy i kłamstwa. Warszawa: IPN, 2010, str.42-51. Статью можно скопировать в формате PDF с сайта ИНП, ее адрес для копирования: www.ipn.gov.pl/download.php?s=1&id=29673
5. http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml
6. Петров Н.В., Рогинский А.Б., ««Польская операция» НКВД 1937-1938 гг.», в сб. статей «Репрессии против поляков и польских граждан», сост. А.Э.Гурьянов, изд. «Звенья», Москва, 1997, стр. 22-43.
7. Ibidem, str. 34.
8. A. Gurjanow, “Katyń — wewnętrzny problem Rosji”, Nowa Europa Wschodnia, 2010, nr 1, str. 79-83.

«КАТЫНСКИЙ ЛАБИРИНТ» И БЕЛОРУССИЯ

В начале октября 2011 г. Европейский суд по правам человека в Страсбурге приступил к рассмотрению исков, поступивших от семей жертв катынского преступления. Еще четыре года назад в эту судебную инстанцию поступили иски от граждан Польши Ежи Яновца и Антония Трыбовского, сына и внука польских офицеров, попавших в плен к Красной армии в сентябре 1939 г. и расстрелянных в Харькове весной 1940-го. Чуть позже в Страсбург были отправлены иски Витомилы Волк-Езерской, дочери убитого в Катыни офицера артиллерии Войска Польского, а также Рышарда Адамчика, сына коменданта государственной полиции в Сарнаках, расстрелянного в Медном под Тверью, и еще 11 родственников жертв сталинских преступлений.

Эти люди требуют признания российскими властями своих родственников жертвами сталинских репрессий, а также предоставление всех следственных материалов, которые удалось собрать советским, а затем и российским следователям, занимавшимся катынским делом в 1990–2004 гг.

По мнению российской стороны, Европейский суд по правам человека не правомочен рассматривать жалобы «катынских» семей в связи с тем, что события в Катыни произошли более 70 лет назад, т.е. до момента подписания Россией Европейской конвенции прав человека в 1998 году. Стоит отметить, что российские чиновники, характеризуя уничтожение польских военнопленных в 1940 г. на территории СССР, чаще всего используют термин «катынские события» вместо общепринятого — «катынский расстрел».

Однако жалобы польских граждан касаются не столько преступления в Катыни, сколько следственных действий, которые проводила российская прокуратура. А там действительно много вопросов. Напомню, еще в 2006 г. российские следователи сделали заключение, что ввиду того, что в личных делах репрессированных польских граждан нет указаний на то, что они были расстреляны по политическим мотивам, нет оснований для того, чтобы считать катынский расстрел частью сталинских репрессий. За год до этого

заклучения российская военная прокуратура подчеркнула, что катынские расстрелы не были актом геноцида.

Польская сторона, в свою очередь, считает, что целью преступления было истребление польской этнической группы, а катынский расстрел (и вместе с ним вся цепочка уничтожения польских граждан в Харькове, Киеве, Медном, Минске и других местах) — преступление, совершенное в нарушение Женевской конвенции об обращении с военнопленными, а также уголовных кодексов Польши и России. Такая формулировка соответствует критериям преступления против человечности и военного преступления.

Справедливости ради, стоит отметить, что в ноябре 2010 г. Государственная Дума России приняла заявление, отметив, в частности, что «опубликованные материалы, многие годы хранившиеся в секретных архивах, не только раскрывают масштабы катынской трагедии, но и свидетельствуют, что это преступление было совершено по прямому указанию Сталина и других советских руководителей». Но кроме политических заявлений польская сторона с нетерпением ждет документов, которые удалось собрать российской прокуратуре во время следствия.

«Катынский лабиринт» не заканчивается в сфере политики. Неоднозначно катынскую трагедию воспринимают и в российском обществе. Как сообщает польская газета «Жечпосполита», в результате проведенного в прошлом году социологического исследования удалось установить, что всего 19% опрошенных российских граждан винят в катынских расстрелах советские власти. В свою очередь, 28% респондентов исполнителями этого преступления назвали нацистов, и, наконец, 53% вообще не знают, кто виноват в уничтожении 22 тыс. граждан Второй Речи Посполитой на территории СССР в 1940 году.

В российской прессе то и дело появляются материалы, которые ставят под сомнение сам факт того, что в Катыни расстреливало НКВД, или же оправдывают катынское преступление тем, что оно было якобы мстью Сталина за военнопленных красноармейцев, оказавшихся в руках поляков после советско-польской войны 1920 года. Так, в «Комсомольской правде» в 2011 г. появилось несколько обширных публикаций по катынской тематике. В одной из них Николай Добруха называет «катынский расстрел» возмездием Сталина за гибель красноармейцев в польских лагерях. Автор, в частности, приводит документальную справку о том, что 8 октября 1939 г. нарком внутренних дел Л.Берия дал указание:

ни при каких условиях не освобождать пленных польских генералов, офицеров и всех лиц, состоявших на полицейской и жандармской службе, до тех пор, пока следствие не установит: имели ли они причастность к издевательствам и уничтожению (в 1919–1922 гг.) военнопленных красноармейцев и советских граждан еврейского происхождения (в том числе на территории Украины и Белоруссии).

Гибель солдат Красной армии в польском плену — бесспорный факт, но неверно считать, что все те польские военнослужащие и полицейские, которые оказались в руках советских властей в сентябре 1939 г. или были планомерно уничтожены, были виноваты в той трагедии. Многие из тех людей участвовали в советско-польской войне 1920 г., бились в полках легкой кавалерии с солдатами Тухачевского и конниками Буденного. Но это отнюдь не означает, что каждый из тех, кто тогда сражался за независимость своей страны, стал затем военным жандармом или надзирателем в Тухоли или в Стшалкове. Тем более что многие из тех, кто в ходе сентябрьской кампании оказались в советском плену, были отнюдь не кадровыми военными. До начала войны у них были мирные профессии адвокатов, учителей, банковских служащих. И только всеобщая мобилизация, вызванная угрозой немецкого военного вторжения в пределы их страны, заставила этих людей вспомнить о своем военном прошлом. Кстати, среди польских пленных было и много молодых людей, которые просто по возрасту не могли быть в администрации польских лагерей для пленных красноармейцев. Наконец, среди польских граждан, уничтоженных НКВД, было большое количество гражданских лиц, арестованных в ходе процесса «советизации» Западной Белоруссии и Западной Украины.

Безусловно, советские лидеры затаили злобу на поляков за 1920 год. Но скорее не за гибель от болезней и голода тысяч пленных красноармейцев, а за то, что тогда поляки не пустили «большевицкую заразу» в Европу и тем самым не дали осуществить идею мировой революции. И за это через два десятка лет Сталин отомстил польскому государству, уничтожив 22 тысячи его граждан в Катыни, Медном, Харькове, Киеве и Минске.

Историк Юрий Жуков на страницах всё той же «Комсомолки» повторяет тезис о том, что уничтожались якобы «не офицеры и генералы польской армии, а тюремщики, запятнавшие себя уничтожением пленных красноармейцев в 1920–1921 гг., измывавшиеся над коммунистами, находившимися в концлагере Береза-Картузская, жандармы, подавлявшие

волнения крестьян-белорусов и украинцев, и так называемые «осадники» — бывшие легионеры, ставшие колонизаторами на белорусских и украинских землях». Более того, российский историк повторяет старую советскую «идею» о том, что в Катыни расстреливали... немцы. Напомню, данные статьи появились в одной из самых популярных российских газет, а значит, с ними смогло познакомиться большое количество читателей.

Спустя несколько месяцев известный российский специалист по катынской тематике Наталья Лебедева опубликовала материал, в котором аргументировано оспорила доводы Жукова.

Аспекты истории «освободительного похода Красной армии в Западную Белоруссию и Западную Украину» и особенно катынская тематика очень актуальны для современной Белоруссии. В течение 2011 г. ко мне обратилось несколько десятков граждан нашей республики, а также соседней Польши, чьи родственники жили до 1939 г. в западнобелорусских воеводствах Второй Речи Посполитой и после 17 сентября 1939 г. стали жертвами сталинских репрессий на территории БССР. Их фамилии, скорее всего, были среди тех почти 4 тыс. польских военнослужащих, полицейских и гражданских лиц, которые попали в плен к Красной армии или были арестованы НКВД на территории Западной Белоруссии и весной 1940 г. были расстреляны в минских тюрьмах. Но если в случае с польскими гражданами, убитыми в Катыни, Медном, Харькове, есть хоть какая-то ясность и там имеются памятные знаки и мемориалы, то в Белоруссии до сих пор по этой проблеме остается очень много вопросов.

Ранее в своих публикациях я уже отмечал, что белорусский катынский список, вероятно, не стоит искать в Минске. Он был скорее всего уничтожен во время эвакуации НКВД из Минска. Но у нас могут быть другие документы и материалы, связанные с репрессиями против польских граждан на территории БССР в 1939–1941 гг. К сожалению, архивы белорусских спецслужб до сих пор закрыты. Но если бы к ним был открыт доступ, это бы во всех смыслах позитивно повлияло на внешнее восприятие Белоруссии. Кроме улучшения двусторонних польско-белорусских отношений, можно было бы ожидать и потепления в отношениях с Евросоюзом. Но самое главное — белорусы бы избавились от одного из «белых пятен» в своей национальной истории.

Кроме архивов важная задача — увековечить память польских граждан, расстрелянных НКВД в Минске в 1940 году. Этот шаг

важен еще и потому, что многие из тех, кто тогда принял страшную смерть от сталинских палачей, были либо белорусами по национальности, либо уроженцами Западной Белоруссии. Да и судьба поляков, для которых наша белорусская земля стала родной, тоже заслуживает уважительного к себе отношения.

Белорусский народ не виноват в сталинских преступлениях. Но в наших силах увековечить память о жертвах сталинизма и дать возможность членам «катынских семей» узнать правду о гибели своих близких. Сегодня только умалишенный ставит под сомнение территориальную целостность Белоруссии. Западная Белоруссия — это неотъемлемая часть нашей страны. Но при этом в наших с вами силах дать возможность соседям — полякам почтить память их соотечественников, погибших на нашей земле. К тому же правда о катынских преступлениях на территории БССР поможет наконец нашим славянским народам выйти из этого исторического «лабиринта».

Минск — Варшава, 14.11.2011

НЕЗАВИСИМАЯ БЕЛОРУССИЯ

Люблинский ежемесячник «Культура Энтер» в сотрудничестве с фондом «Культура Энтер» выпустил в публичное обращение «Отчет о состоянии независимой культуры и НПО в Белоруссии» — его польский, белорусский и английский тексты доступны на сайте журнала (www.kulturaenter.pl), а польский и английский — вышли в виде солидного тома в твердом переплете. Как пишет во вступлении «Без кавычек» Павел Лауфер, автор идеи и ведущий редактор проекта, в финансировании которого участвовал польский министр иностранных дел, это первая работа из числа семи отчетов, которые будут составлены в рамках проекта «Отчет о состоянии независимой культуры и НПО в странах Восточного партнерства и в России». Задача этого широко задуманного проекта — показать, на что теперь, глядя на постсоветские страны, нам следует обратить особое внимание. Иными словами, на явление, именуемое независимой культурой, и на так называемый третий сектор.

Публикация состоит из пяти частей: «Горизонт», «Культура — анализы», «Культура — интервью», «НПО — анализы», «НПО — интервью», — дополненных биографическими заметками о главных авторах. Скажу сразу, что перед нами подлинная сокровищница богатейшей информации о невероятно трудном — в силу как исторических событий, так и сегодняшнего политического положения — процессе становления гражданского общества в Белоруссии, представленном на примере избранных акций из сферы художественной культуры, а также активных действий неправительственных организаций.

Случай Белоруссии — особенный, уже хотя бы только ввиду ее почти органической пограничности между Востоком и Западом, православием и католичеством, между многослойными влияниями России и воздействием польской культуры. Можно сказать, что белорусский народ всё время продолжает создаваться. Конечно же, у него есть своя элита. Но как обстоит дело с потребителями произведений, создаваемых писателями, художниками, артистами? Да, конечно, имеется многоуровневая официальная культура, получающая финансовую поддержку от власти, но вместе с тем также строго ею контролируемая — идеологически и политически. И

поэтому поэтесса и переводчица Мария Мартысевич говорит, что понятие «независимая культура Белоруссии» — это антоним понятия «официальная прогосударственная культура». В этом месте необходимо ввести проблему белорусского языка. Так уж сложилось, что мне довелось быть доброжелательным и в некотором смысле деятельным наблюдателем национального оживления белорусов в самом начале 1990-х; поэтому я могу с сочувствием привести мнение Левона Барщевского, почетного президента белорусского ПЕН-клуба и школьного учителя:

«Тогда же был начат процесс возрождения белорусской школы. В 1994/95 учебном году в Белоруссии свыше 75% учеников первых классов пошли в школы с белорусским языком обучения (в Минске и его окрестностях эта доля достигала даже примерно 90%!))».

К сожалению, так было недолго! Хватило одного решения, приравнивающего русский язык к белорусскому, — и, как пишет Тамара Мацкевич из Общества белорусской школы:

«В столице на белорусском языке обучается максимум 2% учеников. В областных и районных центрах ситуация еще хуже. Создание белорусского класса — операция очень сложная, прямо-таки невозможная».

А Игорь Логвинов, независимый издатель, напоминает: «Согласно статистическим данным за 2007 год, в Белоруссии было издано по-белорусски только 7% книг».

Прав Мариуш Машкевич, бывший генеральный консул, а затем посол Польши в Минске (1998–2002), утверждая:

«В Белоруссии процесс создания народа, построения его самосознания представляет собой трудное дело. Главная причина этих трудностей — советизация, причем как в смысле повседневной жизни, так и в высокой культуре. Русский язык является доминирующим». Более того: «Люди, пользующиеся белорусским языком, автоматически рассматриваются как оппозиция. Они оказываются теми, кто своей речью декларирует собственные взгляды. Язык становится там словно бы формой самопрезентации».

Поэтому столь важно расширение указанной зоны независимости. Лишь бы только не впасть в национализм и в какую-то форму белорусоцентризма, позволю добавить от себя. Это вполне осознают некоторые из белорусских авторов, высказывающихся в отчете. По мнению философа Валентина

Акудовича, радикальный национализм отодвинулся на обочину, благодаря чему дискурс независимой белорусской культуры получил поддержку той части общества (в первую очередь — говорящей по-русски), которая опасается националистического радикализма. Поэтому сегодня независимая культура функционирует словно бы в двух форматах: «белорусском» и «русском». Позволю себе добавить: еще и «польском», — о чем свидетельствует чрезвычайно интересная литература белорусов в Польше на польском языке.

Вернемся к основному течению этого поневоле беглого — в силу понятных обстоятельств — сообщения о прочитанном отчете. Вот философ Владимир Мацкевич отмечает:

«Раньше мы ценили и уважали всё, лишь бы оно было белорусским; теперь мы можем выбирать самое лучшее и отбрасывать всё, что считаем низким, недоброкачественным или попросту неинтересным, — в белорусской культуре появились уровни, ниши и сегменты, рассчитанные на разные потребности и вкусы». Уже упоминавшаяся Мария Мартысевич видит это следующим образом: “После «старой» эпохи национального «возрождения» в девяностых годах, когда основополагающими ценностями были «язык», «народ» и как раз «независимость», пришла «новая» эпоха. Независимая белорусская культура после 2000 г. отражает нелегкий процесс формирования гражданского общества. И мне кажется, что самая важная потребность этой новой культуры — вписаться в мировой (читай: европейский) контекст, в «западный канон», как его воспринимают художники”. В особой степени это касается тех, кто занимается визуальными искусствами, театром, некоторыми разновидностями музыки. Проблема состоит в том, что, — как говорит Артур Клинов, автор опубликованной у нас в Польше книги «Минск. Путеводитель по городу Солнца» (Воловец: Чарне, 2008), — в Белоруссии нет художественной инфраструктуры, абсолютно необходимой ищущему искусству, и потому живописец вынужден прибегать к «партизанской» стратегии: «Иначе говоря, быть самому себе галереей: выставочным пространством, куратором, менеджером, продавцом». Действовать в своего рода «художественном подполье». Этот диагноз подтверждает Моника Шевчик, талантливый куратор, директор галереи «Арсенал» в Белостоке, когда говорит, что, например, Музей современного искусства в Минске выставляет весьма консервативное искусство, у которого мало общего с искусством новейшим. Подобным же образом обстоит дело в художественных вузах. Одним словом: «Те молодые люди, которые действительно хотят заниматься современным

искусством, не в состоянии реализовать на родине, где официально обучают только ремеслу и пишут натюрморты». Кто может, выезжает на учебу за границу, в том числе и в Польшу. Довольно многие эмигрируют. Какая-то часть — насовсем, другие циркулируют между своей страной и миром.

Что будет дальше с белорусским самосознанием, выходящим за пределы этнографически-фольклорно-фестивальных рамок? Надежда на тех, кто хочет быть сознательными белорусами, — где бы они ни жили. Кто в ежедневном режиме культивирует свою белорусскую (и вместе с тем европейскую) принадлежность. Разумеется, один из важных ее составных элементов — язык. Историк и общественник Олег Трусов, который с 1999 г. руководит признаваемым государственными властями Обществом белорусского языка им. Франциска Скорины, говорит, что согласно последней переписи около 1,5 млн. человек в стране ежедневно говорят по-белорусски. Стало быть, язык не пропадет. И констатирует еще один феномен: носителями языка выступают города, особенно Минск, тогда как в деревне ситуация обратная: язык вымирает, сельские жители объясняются между собой на «трасянке», смеси белорусского языка с русским. А белорусский язык, невзирая ни на что, становится языком элиты. И косвенным доказательством этого может служить тот факт, что у незаурядного поэта и писателя Андрея Хадановича есть преданные читатели. Так что не будем терять надежду...

Raport o stanie kultury niezaleznej i NGO w Bialorusi / A Report on the Condition of NGOs and Independent Culture in Belarus. Red. Pawel Laufer, redakcja Taciaa Arcimowicz, Artur Klinau. Lublin: Fundacja Kultura Enter 2011.

ИСТОРИЯ РОССИИ XIX века ПИСАЛАСЬ ЗАГОВОРАМИ И ТЕРАКТАМИ

Чему нас может научить история правления династии Романовых? По мнению Ричарда Пайпса, урок непоследовательного проведения реформ по-прежнему не усвоен.

Особенно нынешними хозяевами Кремля.

— Недавно вышла ваша книга «Террористы и предатели». Почему вы решили заняться историей России XIX века? Эта страна, как представляется, гораздо богаче событиями в следующем столетии.

— Не забывают, что я историк. Правда, мне случается выступать в СМИ в роли комментатора текущих событий, но в первую очередь я считаю себя исследователем истории. Для историка не существует деления истории на периоды более интересные или менее интересные.

— Подавляющее большинство наших читателей — не историки. Как бы вы постарались их убедить, что следует посвятить время книге об истории России XIX века?

— Россия уже тогда была большой и очень важной страной. Кроме того, можно заметить много общего между царской Россией и той Россией, которой правили большевики. Нельзя считать, что Ленин, придя к власти в 1917 г., создал совершенно новую страну. В ней по-прежнему жили те же люди, с той же историей, которые говорили на том же языке, что и прежде. По этой же причине следует интересоваться историей России XIX столетия. Если хочешь понять, в чем заключается феномен Советского Союза, надо знать, что происходило до того, как он появился. Коммунистическая революция зародилась не на пустом месте, она вписалась в определенный общественный контекст.

— В своей книге вы напоминаете о малоизвестном [полякам] эпизоде из истории России — о покушении Веры Засулич на генерал-губернатора Петербурга. Почему вы сосредоточили свое внимание на этом событии? Есть ли в этом намек на угрозу терроризма, с которым мир столкнулся в начале XXI века?

— Я не стал бы искать здесь столь далеко идущих аналогий. Терроризм, с которым столкнулась Россия в XIX веке, не имеет ничего общего с террористическими актами мусульманских фанатиков. Русским террористам важно было прежде всего сменить правящий строй, отстранить от власти царизм. Перед ними стояли четко определенные цели, и они искали способы их осуществления. А исламским террористам важнее всего уничтожить в мире христианство и построить «великий халифат».

— *То есть аналогии всё же существуют. И те и другие хотели бы с помощью терактов изменить существующий миропорядок?*

— Но масштаб их действий был совершенно разным. Русские террористы не выходили за пределы собственной страны, в то время как мусульманские — мечтают изменить весь мир. Поэтому я считаю, что эти явления сложно сопоставлять друг с другом.

— *В России действовал и польский террорист — Юзеф Пилсудский. Следует ли и его теракты связывать с теми, которые вы описываете в своей книге?*

— Пилсудский прибегал к терактам ради того, чтобы бороться за независимость Польши. Между тем моя героиня Вера Засулич совершила свое покушение, возмущившись жестокими действиями генерал-губернатора Петербурга. Других предпосылок у нее не было. Иное дело Пилсудский или другие террористы, которые в это время действовали в России. Планы большинства из них шли весьма далеко.

— *Почему же в таком случае вы решили так много внимания уделить Вере Засулич?*

— Потому что, на мой взгляд, ее история для нас, современных людей, чрезвычайно интересна. Ее процесс вызвал в то время большой резонанс. Собственно говоря, никто тогда не сомневался, что она совершила преступление, но при этом ей удалось избежать тюрьмы: суд ее оправдал. Это взбудоражило общественное мнение не только в России, но и за границей, где процесс широко комментировался. Всех очень интересовало, как подобное могло произойти и почему суд принял такое решение.

— *Россия XIX века нами воспринимается главным образом через призму произведений Достоевского или Пушкина. Достоевский сам был замешан в заговорицкую деятельность. Но вы показываете Россию как бы с другой стороны, с позиции известных в истории*

террористов и предателей. Насколько эти два мира дополняют друг друга?

— И Достоевский, и Пушкин были писателями, их книги — это исключительно плод их воображения. Я же, будучи историком, обязан представлять факты. Любое мнение, которое я привожу в своей книге «Террористы и предатели», имеет точное документальное подтверждение. Поэтому я считаю, что поиски аналогий между написанной мною книгой и произведениями выдающихся русских писателей особого смысла не имеют.

— Что же представляло собой государство Россия в XIX веке?

— В этом государстве было как бы два противоположных полюса. С одной стороны, там весьма стремительно развивалась культурная и экономическая жизнь, а с другой — его политическая система остановилась в своем развитии. Царизм стремился сохранить контроль над всеми направлениями деятельности государственного аппарата, но при этом — что весьма любопытно — в 1864 г. он решился создать независимую судебную систему. Существовал огромный разрыв между высокой культурой России, совсем не уступавшей западноевропейской культуре, с одной стороны, и крестьянской культурой — с другой.

— Элита всегда опережает в развитии остальную часть общества.

— Но эта «остальная часть» составляла в России почти четыре пятых населения страны и, живя в своем собственном мире, неприязненно реагировала на всё, что шло из-за границы. Эти противоречия порождали атмосферу постоянной напряженности. И примирить эти противоречия в долгосрочной перспективе было невозможно. Потому что нельзя иметь высокообразованное общество, успешно развивающиеся частные фирмы и динамично развивающуюся экономику, если контроль над всем этим осуществляет неработоспособное самодержавие. Раньше или позже это неизбежно должно было привести к диссонансам и напряженности между чаяниями власти и общества. И здесь даже возможен такой тезис, что именно этот конфликт привел к восстанию в 1905 году.

— Как людям жилось в стране, раздираемой такими противоречиями?

— Власть последовательно отказывала своим гражданам в праве принимать решения относительно политики

государства. Предложения о переменах, пусть и весьма умеренных, власти упорно отвергали, а открытая критика самодержавия рассматривалась почти как преступление. Такая защита самодержавия объяснялась не одним только желанием сохранить свою власть. Здесь скрывалась и вполне рациональная причина, а именно: убеждение в том, что такой огромной страной, какой была Российская империя, с ее этнически дифференцированным и по преимуществу безграмотным населением, иначе управлять нельзя и что любая другая система управления может привести к скорому распаду государства. Самодержавие на протяжении веков придерживалось того принципа, что демократия возможна в малых странах с однородным обществом, таких как Швейцария или Ирландия, но не в империях, подобных Российской. А вот тогдашние просвещенные интеллектуальные круги России оценивали сложившуюся в то время ситуацию весьма отрицательно и всё чаще требовали перемен, предлагая ввести парламентскую демократию.

— *И каков был результат?*

— В определенной степени это давление приносило свой результат. Например, в 1864 г., во время правления Александра II, режим пошел на уступки общественности. Судебная реформа должна была послужить модернизации и европеизации России, но на самом деле она не была продумана до конца. Основным принцип самодержавия заключался в том, что исполнительная, законодательная и судебная власть сосредоточена в руках монарха. Теперь в этом принципе возникла брешь: создавались суды, не зависящие от административного аппарата, который — во всяком случае теоретически — не имел права вмешиваться в их деятельность.

Тем не менее эти изменения не дали ожидаемого эффекта. Элита по-прежнему была недовольна, ее давление росло, вместо того чтобы ослабевать. Вследствие смягчения цензуры, а также благодаря другим реформам в 60-х годах XIX века возникло даже радикальное движение. Правительство отреагировало на это обострением внутренней политики. Но чем больше оно усиливало репрессии, тем непримиримей становилась оппозиция. Произошла эскалация конфликта — в конце 1870-х самодержавие стало мишенью яростных атак террористов, пользовавшихся симпатией в обществе. В 1881 г. они убили Александра II.

— *Добавим, что канва этих событий легла в основу романа Достоевского «Бесы». Из сказанного вами следует, что история российского терроризма не лишена была драматических страниц.*

— Я тоже так считаю — им я и посвятил свою книгу. При таких обстоятельствах и проходил нашумевший процесс Веры Засулич, который я подробно описываю. Эти события особенно важны, ибо теперь, уже с исторической перспективы, мы отчетливо видим, что диагноз, поставленный тогда царизмом, был верен. Защита самодержавного режима была совершенно оправданной.

— *Что вы под этим понимаете?*

— После 1905 г. в России была введена парламентская демократия. Но с тех самых пор начал ускоренно развиваться процесс эрозии власти, которая окончательно пала в 1917 году. Этот урок помнят и сегодняшние руководители России. Они — как и царизм в XIX веке — убеждены, что Россия не может быть государством с демократическим правлением. И что единственно возможный способ управления ею — авторитарный.

— *Есть ли, по-вашему, у России шанс к тому, чтобы ввести наконец у себя демократические принципы избрания властей?*

— Такое возможно, но это наверняка случится не скоро. Я внимательно слежу за опросами общественного мнения в России, из которых явно следует, что подавляющее большинство российских граждан вовсе не желает демократии. Для них она ассоциируется с анархией и хищениями. Они предпочитают сильную власть одного человека. И это не взялось ниоткуда — все наиболее выдающиеся правители России были самодержцами, и по сей день они пользуются большой популярностью, достаточно вспомнить хотя бы Сталина. Его неизменно высокий рейтинг как нельзя лучше свидетельствует о том, что в России не слишком высоко ценятся демократические принципы. Я не исключаю, что когда-нибудь удастся это изменить, но России предстоит пройти долгий путь, прежде чем она сумеет реформировать себя таким образом.

— *Иными словами, очередные поколения историков будут писать книги, весьма похожие на вашу? Будут меняться лишь фамилии, даты, факты, но тезисы останутся прежними?*

— Я не ясновидящий, я историк, так что мне сложно предвидеть будущее. Но я не вижу надежд на то, что в ближайшее время система, существующая в России, сможет эволюционировать. В длительной перспективе эти противоречия примирить невозможно. Я повторяю: невозможно иметь высокообразованное общество, успешно

развивающиеся частные фирмы, динамично развивающуюся экономику, если контроль над всем этим осуществляет неработоспособная, авторитарная власть. Раньше или позже подобная ситуация неизбежно должна привести к диссонансам и напряженности между ожиданиями Кремля и людей и, наконец, к открытому конфликту. Это и случилось в 1905 году. Пример весьма красноречивый.

ЛУБЯНКА ВО ВРЕМЕНА НЭПА

Заявление Троцкого о том, что правящая партия может допустить «спекулянта» в хозяйство, но в политическую область его не допустит, принялись воплощать в жизнь так же усердно, как и идею новой экономической политики. Разумеется, руками чекистов, в связи с чем общество стало осознавать, что учреждение на Лубянке — это уже не только карающий меч революции, но и кузница всевозможных начинаний, функционирующая теперь под новым названием, которое было изменено в угоду текущему моменту, — Государственное политическое управление (ГПУ). Вот как об этом явлении, получавшем всё большее распространение, писал бывший секретарь Сталина Борис Бажанов: «Я пробую иногда говорить с членами Политбюро о том, что население отдано в полную и бесконтрольную власть ГПУ. Этот разговор никого не интересует. (...) И работа ГПУ всё время растёт и как нечто для всей партии нормальное — в этом и есть суть коммунизма, чтобы непрерывно хватать кого-нибудь за горло; как же можно упрекать в чем-либо ГПУ, когда оно блестяще с этой задачей справляется? Я окончательно понимаю, что дело не в том, что чекисты — мразь, — а в том, что система (человек человеку волк) требует и позволяет, чтобы мразь выполняла эти функции».

Тотальный провал на экономическом фронте, который привел к вынужденному изменению политики в этой области, вовсе не означал, что следует изменить всё. Совсем наоборот — слегка «отпустив вожжи» в экономике, следовало усилить бдительность на других фронтах. Прежде всего — уничтожить конкурирующие социалистические партии, ибо они могли использовать экономический кризис в свою пользу. Это предположение вполне логично, так как большевики, совершая октябрьский переворот, тоже воспользовались тяжелым положением в стране. А правда была такова, что эсеры и меньшевики уже успели свыкнуться с диктатурой пролетариата. После июльского выступления в 1918 г. они оказались теперь в роли ворчунов и критиков и представляли собой разве что словесную оппозицию. Но пришло время рассчитаться с ними — исходя из категорий субъективизма и объективизма. Существует такое довольно часто повторяемое высказывание Дзержинского, в котором отразилась тактика, применявшаяся в период нэпа в отношении политических

конкурентов. Во время допроса одного из эсеров Феликс Эдмундович сказал: «Субъективно вы революционер, каких побольше бы, но объективно вы служите контрреволюции». В свою очередь Зиновьев на XII съезде объявил, что всякая критика партийной линии, хотя бы и «левая», ныне является объективно меньшевистской критикой. Такая классификация надолго вошла в лексикон коммунистов, в том числе и польских. Например, Леон Пурман («Казик») сообщал в письме Коминтерну: «Процесс гниения может оказаться длительным. Могильщик субъективно не готов» (процесс гниения — это капитализм в Польше, могильщик — КПП). Эту классификацию, разумеется, ввел Ленин — сторонник объективных законов исторического развития и противник субъективного идеализма Александра Богданова.

Под прицел попали в первую очередь эсеры, так как наибольшую поддержку им оказывала раздраженная и голодающая деревня, при этом они по-прежнему имели значительную поддержку внутри Красной армии и в ВЧК. Начались аресты, и летом 1921 г. в тюрьмах уже оказалось несколько тысяч эсеров, включая членов их ЦК. Чтобы начать судебные процессы над ними, необходимо было сначала подготовить свидетельства обвинения, в значительной степени сфабрикованные. Например используя книгу Г.Семенова-Васильева, бывшего эсеровского боевика, информатора ЧК. В своей книге, изданной в Берлине, он сообщал довольно много данных, но толковал их тенденциозно или смешивал правду с вымыслом. Он обвинил эсеровский ЦК в организации покушения на Ленина на заводе Михельсона и тамбовского восстания. Разумеется, это стало идеальным доказательством на суде, где автор выступил главным свидетелем обвинения.

20 февраля 1922 г. Ленин направил в Наркомюст письмо, требуя «организовать несколько показательных процессов» в воспитательных целях и, как обычно, в качестве примера. Это должно было стать очередным театральным действием. Троцкий даже прямо заявил, что это будет «первоклассный политический спектакль», с прекрасным распределением ролей для обвиняемых и обвинителей, с возбуждающей атмосферой драмы и жаждущей правосудия публикой. Обвиняемых разделили на две группы. В первую зачислили «закоренелых преступников», которым грозила смертная казнь, — всю эсеровскую верхушку. Во второй оказались деятели низшего звена, второстепенные фигуры и рядовые члены партии, которые должны были признавать свою вину и раскаиваться, вследствие чего суду предстояло проявить

великодушные и оправдать их, согласуясь с греческим принципом катарсиса. В финале к публике выходила еще одна группа, восклицавшая, словно греческий хор в эксоде: «Смерть убийцам!» Группа эта, по замыслу прокурора Николая Крыленко, была выразительницей воли рабочих масс. Было вынесено 11 смертных приговоров. Но... не исполненных. Почему? Потому что приговоренные теперь должны были взять на себя роль заложников. Их в любой момент могли поставить к стенке, и смертный приговор был бы приведен в исполнение, если их товарищи, находившиеся на свободе, вздумают продолжать контрреволюционную деятельность. В январе 1924 г. эти приговоры были заменены пятью годами тюрьмы. Дело окончательного уничтожения эсеровских кругов завершило в 30-е — 40-е годы Сталин.

Другой общественной группой, которая прекрасно подходила на роль героев греческой трагедии, было духовенство, по-прежнему принадлежавшее к властителям дум и представлявшее собой последний бастион старого порядка. Преследования духовенства начались уже с первых дней февральской и октябрьской революций: их лишали имущества, грабили церкви и монастыри, было запрещено преподавать закон Божий, против них началась кампания, имевшая целью искоренить культ святых мощей (преследования касались также католиков и иудеев). А поскольку в сознании масс священник (поп) ассоциировался с богатством и продажностью, то действиям подобного рода массы не особо сопротивлялись. Своей кульминации борьба с православной Церковью достигла в марте 1922 года. Причиной стал господствовавший в России голод, а также инициатива патриарха Тихона, обещавшего, что Церковь пожертвует в пользу Помгола неосвященную литургическую утварь.

Общественный Всероссийский комитет помощи голодающим (Помгол) был создан в ответ на призыв Максима Горького «Ко всем людям доброй воли» в связи с бедствием голода. В состав комитета вошли 73 известных лица из кругов интеллигенции. К сожалению, как только правительство подписало договор с американской организацией Герберта Гувера, которая должна была подкармливать голодающих, члены Помгола были арестованы как подозреваемые в контрреволюционной деятельности. Это повлияло и на дело Церкви. Ибо по всей России началась агитация под лозунгом превращения «золота в хлеб», причем имелось в виду главным образом церковное золото. Предложение патриарха Тихона оказалось, по мнению властей, недостаточным. Умиравшим от голода требовалось больше! 26 февраля 1922 г. был издан декрет, по которому

местным советам предписывалось реквизировать из храмов все предметы из золота, серебра и драгоценных камней. В декрете имелась дополнительная запись о том, что речь идет о предметах, «изъятие коих не может существенно затронуть интересы самого культа». Такую запись, разумеется, можно было трактовать как угодно, в соответствии с правосознанием местного комиссара. То, что возникнет решительное сопротивление духовенства и наиболее усердных верующих, было очевидно. Но это — то и было нужно. Начались показательные процессы в связи с «противодействием изъятию». В Москве, в амфитеатре Политехнического музея, судили 54 обвиняемых — как духовных лиц, так и мирян. Было вынесено 11 смертных приговоров, из них пять были исполнены. В Петрограде перед ревтрибуналом было поставлено 86 обвиняемых. Тут приговоры были неожиданно мягкими, но трех главных обвиняемых во главе с митрополитом Вениамином всё равно казнили, только тайно. Тюрьма и ссылка для духовенства стали теперь почти нормой.

Но это было не всё. В рамках борьбы с «буржуазным мировоззрением» был нанесен удар по интеллигенции, которая всё громче начала критиковать большевиков. Ленин называет эту критику «нытьем», а о самих интеллектуалах в письме Горькому пишет, что они мнят себя «мозгом нации. На деле это не мозг, а говно». В мае 1922 г. он отдал распоряжение Дзержинскому, чтобы ГПУ кардинально проанализировало литературные и научные публикации с целью установить, кого из авторов признать «кандидатами на высылку за границу»: «...явные контрреволюционеры, пособники Антанты, организация ее слуг и шпионов и растлителей учащейся молодежи». Он сам составлял именные списки тех, кто осмелился критиковать его лично, потом передавал их дальше, в руки Дзержинского, Уншлихта, Ягоды... Сам интеллигент, он был особенно чувствителен к конкуренции в интеллектуальной сфере (дополнительный нюанс этому делу придает болезнь Ленина; это был как раз тот период, когда его мозг находился под воздействием склероза и усыхал...). Вождь понимал, что совестью и памятью народа остается его интеллигенция, и ставил себе целью создать новую — советскую интеллигенцию. Вообще — то эта идея родилась у него более чем за десять лет до этого: еще в 1905 г. в статье «Партийная организация и партийная литература» он писал, что газеты должны находиться под контролем партийных организаций, а писатели должны быть членами партии.

Начальник секретно-оперативного управления ВЧК ГПУ Генрих Ягода сообщил вождю о результатах операции, направленной

против кандидатов на высылку: «Первая партия выезжает из Москвы 22/IX в пятницу». Будут и следующие — весь цвет научной интеллигенции, включая ректоров Московского и Петроградского университетов.

Это было время, когда решился на отъезд из России и младший брат Дзержинского Владислав — выдающийся невролог, декан медицинского факультета Харьковского университета и проректор Екатеринославского университета, одним из организаторов которого он был до революции. Несомненно, атмосфера травли его окружения ускорила решение об отъезде. Может быть, это было связано также с делом Всероссийского съезда врачей, который прошел в начале лета в Москве. Народный комиссар здравоохранения Н.Семашко доносил в то время Ленину, что «на съезде был поход против медицины советской и восхваление медицины земской и страховой». На его отчете Ленин написал: «Товарищу Сталину. Я думаю, надо строго секретно (не размножая) показать это товарищу Дзержинскому и всем членам Политбюро и вынести директиву». Может быть, Феликс Эдмундович тогда предостерег брата относительно приближающихся репрессий. Правда, репрессии против врачей начались только при правлении Сталина, но инцидент 1922 г. стал неким их предвестием.

Мог ли Владислав сказать брату о своем возмущении такой политикой? Очень даже возможно. Что мог бы сказать ему брат в оправдание? Неизвестно. Можно лишь догадываться: это контрреволюционеры, сторонники старой системы, вольнодумцы, бунтовщики... Во всяком случае, он как руководитель ГПУ выдал Владиславу специальное разрешение на возвращение в Польшу вместе с русской женой Екатериной и падчерицей Верой. На дорогу он снабдил их собственным продовольственным пайком. Но паек закончился очень скоро. И если бы не добытый ими в пути аист с его волокнистым мясом, то они неминуемо оказались бы перед лицом настоящего голода.

Можно ли Феликса Дзержинского — польского интеллигента, выросшего в атмосфере культа науки; сына учителя с дипломом Петербургского университета и брата выпускников российских и немецких университетов — хоть как-то оправдать в данной ситуации? Разве что как председателя комиссии, рассматривавшей ходатайства об отмене высылки некоторых лиц. Помиловали тех, кого на основании поручительства от соответствующих учреждений признали незаменимыми в своей отрасли. Кроме того, как лицо,

ведавшее с определенного времени экономическими вопросами, Дзержинский призывал предоставить специалистам возможность вернуться. В августе 1923 г. он писал Каменеву: «За границей имеется целый ряд довольно крупных русских специалистов (...) тяготящихся условиями своей жизни и желающих вернуться и работать в Советской России». Следует в определенных случаях «нужным нам спецам давать индивидуальные прощения и прием в русское гражданство».

Про депортацию выдающихся умов России молчат биографы Дзержинского, такие как С.Хромов, А.Хацкевич, Е.Охманский, Я.Собчак, да и Софья Дзержинская ни словом не обмолвилась на эту тему. А ведь он верно исполнял поручения вождя. Он сам просматривал письма, сам их проверял. Совершенно очевидно, что дело это было зачислено в категорию постыдных ошибок, которые ничем нельзя оправдать — ни исторической необходимостью, ни ликвидацией общественных классов во имя справедливости.

Спустя годы кто-то иронически заметил, что депортацией Ленин спас огромные массы русской интеллигенции от сталинских чисток.

С проблемой критики связан также вопрос цензуры. В июне 1922 г. было создано Главное управление по делам литературы и издательств (Главлит). В его задачу входила предварительная цензура всех изданий, произведений изобразительного искусства, а также публикация списков запрещенной литературы. В феврале 1923 г. Главлит был расширен, в нем появился Главрепертком, который должен был заниматься театром, кинематографией, музыкальными постановками и грамзаписями. Директивы Главлита проводило в жизнь ГПУ. А поскольку Ленин объявил, что «из всех искусств для нас важнейшим является кино», то ничего нет удивительного в том, что председателем Общества друзей советского кино стал Феликс Дзержинский.

В рамках «трудового воспитания» («школы труда») началось расширение лагерной системы, и тоже под его руководством, на сей раз как главы ГПУ и Главкомтруда. Это расширение приобрело конкретные темпы после докладной записки Г.Пятакова Ф.Дзержинскому от 10 ноября 1925 г.: «...я пришел к заключению о необходимости организации в некоторых местах принудительных поселений в целях создания мало-мальских элементарных культурных условий труда», — и это было признано прекрасным методом перевоспитания. Лозунг «Кто не работает, тот не ест» воплощался в жизнь в самом

буквальном смысле, с помощью регламентирования и отправки в лагеря неработающих, то есть «социально вредных элементов».

Преобразования, осуществлявшиеся на экономическом фронте, требовали изменений в самой ВЧК. Ее «чрезвычайность» перешла в «обычность», на смену этапу романтического террора пришел этап бюрократизации. Ленин заявил, что «недостатки являются иногда продолжением наших достоинств (...) Но вместе с тем мы определенно говорим, что необходимо подвергнуть ВЧК реформе (...) — этого требует новая экономическая политика. (...) теперь, когда возникли новые условия, нам необходимо ограничить деятельность этого учреждения до чисто политической сферы».

Появились предложения подчинить ВЧК Наркомюсту. Таким образом, чекисты на местах, где они отличались особой жестокостью, оказались бы под контролем губернских юристов. А то даже в самой партии уже начали обращать внимание на эту проблему. Об этом прекрасно свидетельствует письмо, поступившее в ЦК из Особого отдела Туркестанского фронта:

«Если мы посмотрим на коммунистов, находящихся в пролетарских карательных органах, то мы увидим, что они (...) благодаря однообразной, черствой, механической работе, которая только заключается в искании преступников и в уничтожении, постепенно, против своей воли становятся индивидами, живущими обособленной жизнью.

В них развиваются дурные наклонности, как высокомерие, честолюбие, жестокость, черствый эгоизм, и т.п.; и они постепенно, для себя незаметно, откалываются от нашей партийной семьи, образуя свою особенную касту, которая страшно напоминает касту прежних жандармов. (...) Являясь бронированным кулаком партии, этот же кулак бьет по голове партии».

Дзержинский выступал категорически против такой оценки, как и против идеи ограничить права ВЧК. Оставаясь романтиком, он видел историческую миссию организованного им учреждения. Обращаясь к политбюро, он заявлял: «Отдача ВЧК под надзор НКЮста роняет наш престиж, умаляет наш авторитет в борьбе с преступностью, подтверждает все белогвардейские рассказы о наших «беззакониях» (...) Введение комиссара Губюста означает фактически перемену курса против Ч.К., так как Губюсты — это органы формальной

справедливости, а Ч.К. — органы дисциплинированной партийной боевой дружины».

Он был не прав: ЧК была «дисциплинированной партийной боевой дружиной» только в рамках поставленных перед нею сверху конкретных задач. Но при этом оставался немалый зазор для произвола, где основную роль играло ничем не оправданное насилие. Весьма удивительно, что на экономическом фронте Дзержинский сумел стать прагматиком, который терпеливо учился у рабочих и подчинялся специалистам. Зато как руководитель ВЧК он не сумел расстаться с образом странствующего рыцаря. Трудно поверить, что он не отдавал себе отчета в действиях и поведении своих людей. Он сам, надо отдать ему должное, издал ряд внутренних директив, в которых говорилось о запрете издевательств над арестованными, грабежа и насилия; чекистам в случае подобных нарушений даже грозила смертная казнь. Но на практике действенность этих директив оставалась лишь на бумаге. Значит, Дзержинскому определенно недоставало решимости потребовать их исполнения, той решимости, которую он продемонстрировал, наводя относительный порядок на железных дорогах. Либо он предпочел во имя дела революции закрывать глаза на зверства чекистов, либо — поскольку почти не выходил из здания на Лубянке — сам пропитался этой атмосферой «касты жандармов».

Серьезная проблема возникла также с чекистской верхушкой. Бажанов пишет о заместителях Дзержинского, Лацисе и Петерсе, и их поведении во времена нэпа: «Я опасюсь, что при встрече с этими расстрельщиками я не смогу принять их фанатизм. Но это не были фанатики. Это были чиновники расстрельных дел, очень занятые личной карьерой и личным благосостоянием, зорко следившие, как помахивают пальцем из секретариата Сталина. Моя враждебность к ведомству перешла в отвращение к его руководящему составу».

О самом Дзержинском он пишет так: «...в смысле пользования житейскими благами упреков ему сделать было нельзя — в этом смысле он был человеком вполне порядочным. Вероятно, отчасти поэтому Политбюро сохраняло его формально во главе ГПУ, чтобы он не позволял подчиненным своего ведомства особенно расходиться: у ГПУ, обладавшего правом жизни и смерти над всем беспартийным подсоветским населением, соблазнов было сколько угодно. Не думаю, что Дзержинский эту роль действительно выполнял: от практики своего огромного ведомства он стоял довольно далеко, и Политбюро

довольствовались здесь скорее фикцией желаемого, чем тем, что было на самом деле».

Бюрократизация учреждения на Лубянке формально сводилась к трем основным целям: строгому соблюдению законности, концентрации внимания на экономическом секторе и изменении методов работы путем перехода от открытого террора к тайным действиям. В связи с этим Дзержинский подписал декрет «О карательной политике органов ВЧК в новых условиях», согласно которому в тюрьмы и лагеря следовало сажать только за серьезные преступления. «Механическое деление людей по социальному происхождению — кулак, бывший офицер, дворянин и прочее — можно было применять, когда Советская власть была слаба (...) А теперь надо знать, что делает такой-то, имярек, бывший офицер или помещик, чтобы его арест имел смысл». Но одновременно из Политбюро поступает секретное указание: «В связи с осуществлением новой экономической политики и решениями правительства, касающимися вопросов высшего порядка, ГПУ должно ныне сохранять определенного рода пассивность. Однако каждый сотрудник ГПУ должен отдавать себе отчет в том, что подобная ситуация долго сохраняться не может. Поэтому ГПУ должно приложить максимум усилий для выявления и обнаружения наших врагов, чтобы нанести им, когда наступит соответствующий момент, смертельный удар». Короче говоря, это было своего рода подмигивание со значением. Чекистская верхушка могла сосредоточиться на служебной карьере, низы могли по-прежнему давать волю своим извращенным методам, а Дзержинский тем временем всей душой отдавался экономике и беспризорным...

Новые методы работы, то есть тайные действия, распространились в значительной мере и на границу, т.е. на русскую эмиграцию и иностранные разведки. Еще 1 декабря 1920 г. Ленин дал Дзержинскому поручение подготовить план разработки, а затем окончательной ликвидации врагов Страны Советов за границей. По этому поводу у ГПУ начались столкновения с наркоматом иностранных дел, который возглавлял Георгий Чичерин. Разведка всё чаще переходила дорогу дипломатии, а Чичерин писал Дзержинскому письма с протестами: «Думаю, что имею политическое и моральное право настаивать, чтобы мне, наконец, сообщили, в чем дело». Ибо всё чаще в связи с действиями сотрудников Лубянки возникал какой-либо дипломатический скандал и разрыв дипломатических отношений с той или иной страной.

Чекистская операция «Трест», целью которой было убедить мир в том, что в России по-прежнему действует мощная конспиративная сеть, стремящаяся к восстановлению царского режима, оказалась мастерски осуществленной операцией, основанной на провокациях и шпионаже. Крупнейшее ее достижение — то, как заманили в СССР Бориса Викторовича Савинкова — лидера эсеров в эмиграции. Для большевистской власти он представлял собой двойную опасность. С одной стороны, он уже почти превратился в эсеровскую икону, будучи при этом убежденным сторонником парламентаризма, а с другой — он все время устраивал заговоры, объединяя русскую оппозицию и договариваясь с английским, французским и польским правительствами. Дзержинский занимался этим делом лично начиная с момента поражения в польско-советской войне. Советские агенты вычислили Савинкова в Польше, но он выехал в Прагу, затем в Париж и Лондон. Дзержинский обратился к советскому дипломату в Берлине, прося его сообщить о деятельности заговорщика на территории Польши, чтобы ознакомиться с его тактикой. Потом он вместе со своими сотрудниками разработал искусный план. «Мы должны заставить Савинкова поверить в существование в России новой, дотоле неизвестной ему мощной контрреволюционной организации, остро нуждающейся в опытном, авторитетном руководителе», — объяснял Дзержинский чекистам. За разработку деталей плана взялся умнейший Андрей Федоров, и спустя два месяца шеф утвердил его предложения.

Летом 1922 г. был арестован человек Савинкова, который согласился сотрудничать с чекистами. Вся операция продолжалась два года и завершилась полным успехом: 16 августа 1924 г. Борис Савинков был арестован, перейдя советскую границу. Он заметил с одобрением: «Чистая работа, господа». Через несколько дней произошел — если учесть все достижения этого выдающегося революционера и политика — неожиданный поворот: Савинков пошел на сотрудничество с большевиками. Вероятнее всего, Дзержинский взамен обещал ему свободу, только Савинков должен сыграть роль раскаявшегося преступника на показательном процессе. На суде он выступил с саморазоблачением и признал свою вину, ему был вынесен смертный приговор, замененный затем десятью годами тюрьмы, — всё согласно ранее достигнутым договоренностям. После процесса он стал заключенным на особом положении: в Бутырской тюрьме он находился в камере, состоящей из двух помещений, его возили на дальние прогулки, он мог принимать журналистов и переписываться с

друзьями за границей, официально издавать книги, зарабатывая на этом вполне значительные гонорары...

7 мая он написал Дзержинскому отчаянное письмо: «Когда меня арестовали, я был уверен, что может быть только два исхода. Первый, почти несомненный, — меня поставят к стенке, второй — мне поверят и, поверив, дадут работу. Третий исход, т.е. тюремное заключение, казался мне исключенным (...) Я обращаюсь к Вам, гражданин Дзержинский. Если Вы верите мне, освободите меня и дайте работу, все равно какую, пусть самую подчиненную». Говорят, Дзержинский ответил ему через одного из чекистов, что говорить о свободе еще рано. Вечером того же дня Савинков выбросился из окна кабинета Романа Пиляра и погиб, разбившись о бетонный настил во дворе здания. Был ли это добровольный шаг? — многие намекали, в том числе и Солженицын, что не добровольный. Хотя тюремное заключение столь известного оппозиционера, а также принуждение его к сотрудничеству и даже к саморазоблачению вполне могло стать поводом к депрессии и привести к самоубийству. У него была боязнь высоты, о чем хорошо знали близкие к нему люди. Однако фобия иногда оказывается лучшим средством самоубийства. Что же касается идеи вытолкнуть его из окна, то она ничему не могла служить. Пожалуй, здесь следует напомнить, что старший брат Савинкова, будучи узником Колымска в 1905 г., также покончил жизнь самоубийством.

Говорят, Дзержинский впал в ярость, когда ему доложили о смерти Савинкова. Говорят, он отреагировал такими словами: «Савинков остался верен себе — прожил мутную, скандальную жизнь и так же мутно и скандально ее окончил». Ежи Лонтка в своей книге «Кровавый апостол» пишет, что «для фанатика, Железного Феликса, внезапная перемена, произошедшая с Савинковым после ареста, наверняка была признаком его слабости, свидетельством предательства собственных идей, ради которых здесь, в России, погибали его люди». Но слова, сказанные Дзержинским одному из прокуроров, с тем же успехом могут быть истолкованы как бессильная реакция на поступок Савинкова, который был исключительно ценным приобретением для Лубянки и мог еще не раз пригодиться.

Перевод Елены Шиманской

Биография Феликса Дзержинского, написанная Сильвией Фролов, выйдет в августе 2012 г. в краковском издательстве «Знак».

ЛУБЯНКА ?? аёó

ПОЛЬША: ТУМАННЫЕ СЕМЕЙНЫЕ, ДОМАШНИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Беседа с Николаем Вахтиным, профессором Европейского университета в Санкт Петербурге, главным научным сотрудником Института лингвоисследований Российской Академии наук, сыном писателя Бориса Вахтина

— Поскольку речь идет о временах, когда я был еще крайне мал, я 1950 года рождения, — мне, соответственно было шесть, семь, восемь, одиннадцать, двенадцать лет, то все, что я могу рассказать, — это какие-то туманные семейные, домашние впечатления.

Думаю, что люди, очнувшиеся после XX съезда, должны были воспринимать польскую прессу как глоток воздуха. Ну, например, я помню свое удивление, когда отец вдруг начал получать польские журналы и читать их. Я его спросил: «А разве ты умеешь читать по-польски?». А он мне сказал: «Я уже научился». То есть он специально выучил польский (что, как я подозреваю, было ему не очень трудно, поскольку по профессии он был китаист. После китайского языка уже, кажется, ничего не страшно). Он подписывался, если я правильно помню, на два журнала. Один назывался «Пшекруй». И снова это для меня такое детское слово. Я не знаю до сих пор, что оно значит, но я очень хорошо помню облик этого журнала. Единственное, что я в нем мог читать — это карикатуры про профессора Филютека, был такой персонаж, про которого даже книжка потом маленькая вышла, она у меня дома есть. Вот там печатались карикатуры про профессора Филютека, который ходил со своей собачкой. А второй журнал, по-моему, назывался «Кобета и что-то»...

— «Кобета и жиче»?

— Да, наверное. И он был, насколько я понимаю, женский. Чем еще может быть журнал с таким названием? Но про него я, кроме названия, ничего не помню. Помню, что мать его листала и глядела на какие-то там моды чудесные. Всё это было большого формата, на какой-то такой бумаге, газетной, с довольно блеклыми картинками. Но для отца, насколько я понимаю, это была возможность дополнительной

информации. Ведь в это время всякие английские, французские, немецкие, итальянские коммунистические газеты продавались в киосках — не во всех, но в некоторых. Был киоск газетный, например, рядом с гостиницей «Европейской». Но вот был такой обходной путь — польские журналы, потому что при всех понятных вещах всё-таки в Польше было полегче с цензурой, да и короче был этот период. У них ведь всё началось только после войны, и прошло к тому времени лет 12–15. Еще не все испугались. И в польских изданиях (точно не помню, может быть, это были не именно те самые два журнала) печатались переводы английских триллеров. По тем временам — жутко редкая вещь. Названий не помню — а сюжеты помню. Недавно я смотрел американский фильм и вспоминал, как отец мне пересказывал содержание фантастического триллера про то, как взбесился какой-то бомбардировщик атомный, который летел на Москву, а оба президента, и советский, и американский, общими усилиями пытались его сбить. Очень красивый такой роман.

Вот это было у меня первое впечатление о Польше. Польша — это такое место, откуда всё это, такое интересное, приходит, чего у нас нет. Необычные выкройки какие-то, необычные картинки, необычный профессор Филютек, странный роман, каких у нас не бывает, — а там всё это было.

Потом второй опыт, тоже детский, детское впечатление. Может, уже не настолько детское — лет двенадцать мне было, наверное, когда отец поехал в Польшу. Тоже были большие по этому поводу переживания. Естественно, за границу его тогда не выпускали, и вот неожиданно он поехал. Это была какая-то делегация писателей, черт его помнит, что. И я помню рассказы про эту за границу: другая совсем страна. У детей восприятие ведь простое, они окружающий мир воспринимают как единственно возможный. Школа — это вот это, учитель — это вот это, улица — это вот это, автобус — такой-то, магазин — такой-то. Никаких других не бывает. А оттуда отец привез впечатления, рассказы, какие-то книжки... Я смутно помню, что именно. У отца были в Варшаве близкие друзья. (Впрочем, они до сих пор есть, в отличие от моего отца, который умер, эти живы). Они в свое время учились вместе. Этот поляк учился, по-моему, на экономическом факультете, коммунистический был такой поляк вполне, молодой, карьерный. Он женился здесь на студентке восточного факультета, через которую они с отцом и познакомились, и очень дружили. Этот поляк потом занимал довольно высокие посты в ЦК польской компартии. Кажется, если я ничего не путаю, в последние месяцы он даже был генсеком польской компартии, когда все уже сыпалось, уже

после Ярузельского. На каком-то последнем или предпоследнем съезде партия самораспустилась, но до этого пару недель он успел побыть генсеком. Ничего, такие очень симпатичные люди, и он, и жена. В начале 1990-х годов, когда я попал впервые в Варшаву, мы встретились, у них уже была куча детей, внуков. Вот был такой контакт у отца. Они очень близко дружили, несмотря на полную разницу взглядов, сохраняли такие дружеские, студенческие связи.

И если вы не будете задавать мне вопросов, то у меня остался ровно один сюжет. Но вы про это знаете, наверное, лучше меня. У меня впечатление такое, что неожиданно появившиеся оруджавские песни, навеянные Польшей, про трубача, который над Краковом трубит бессменно, тоже какое-то воздействие на меня оказали, потому что они были ужасно романтические. Мне уже было лет четырнадцать-пятнадцать. И какие-то доходившие слухи о том, как Оруджаву было там хорошо. А Оруджава был абсолютный кумир и мой, и всех моих близких друзей, и ежели ему там было хорошо, значит, там хорошо, если он это так там всё красиво нашел, как он писал в песнях, это не обсуждалось. Раз Оруджава сказал, что Польша — это хорошо, значит — хорошо.

Поэтому ощущение от Польши в эти годы — самый конец 1950-х до середины, наверное, 1960-х — когда я вырос, у меня стали совершенно другие интересы в 16-17 лет, с Польшей никак не связанные, — ощущение, что это очень романтическая, очень близкая, своя страна. Там жили... Вот любопытно, там жили не иностранцы, у меня не было этого ощущения. Там жили свои. Другие, но свои. То есть вся эта многослойная, многовековая сложность русско-польских отношений в моем сознании полностью отсутствовала. Не было никаких поляков, которые вредят нам, русским. И наоборот. Там было всё как у нас, только лучше, я бы так сформулировал это ощущение. Там выходили более интересные книги... А кино — конечно. Но это уже мои собственные ощущения.

— Это интересно.

— Опять же я вряд ли сумею назвать какие-то фильмы, не такая у меня хорошая память. Всё-таки сорок лет прошло... И я запросто могу их перепутать с чешскими фильмами. Но то, что польское кино было, и то, что на него ходили толпами и с удовольствием, и тоже был восторг полный... Вайда — понятно. Но Вайду как бы все знают. Но были и другие какие-то фильмы. Странные, цветные, другого типа, казавшиеся тогда гениальными — просто другие. Это был какой-то немножко

другой соцреализм, не суконный. Хотя тоже был именно социализм.

Вот, вспомнил, было у меня еще одно столкновение с Польшей. Это был 1970 год или 1971-й. В Питере проходил международный космический конгресс. Съехались тысячи народу всякого, и весь филфак сняли с занятий. Приклеили нам бирку «переводчик» и отправили на этот конгресс стоять в холле и помогать общаться. Я тогда был на четвертом курсе, и меня прикомандировали к международному секретариату. Международным секретариатом заведовал поляк. В подчинении у него были машинистки, секретарши и всякие прочие технические сотрудники — немки, англичанки, француженки, и кого там только не было. Этот эпизод ровно для вашей темы. Я помню свое ошарашивание при виде этого поляка. Он был абсолютно европейский человек. Как я подозреваю, это был такой ооновский, юнесковский, специально обученный коммунист, закончивший что-нибудь вроде МГИМО и отправившийся в какой-нибудь ихний Внешторг работать или в посольство, дипломатом, а скорее всего, не только. Их и у нас тоже было достаточно, но я с ними никогда не пересекался. Меня поразило он тогда совершенно. Он говорил на всех языках, вел себя совершенно не так, как я считал, что должен вести себя официальный человек, пусть даже и поляк. Я об этом не задумывался, но по умолчанию я считал, что поляк должен быть похож на наших... — тут я одно слово пропущу по цензурным соображениям. Он был совсем не похож на наших этих самых, он был совершенно западный. Выражалось это не знаю в чем: как он был одет, как он себя держал, одновременно разговаривал по двум телефонным трубкам, в одну он говорил по-французски, отворачивался, в другую говорил по-немецки, тут же переходил на русский с нами, на английский со своим секретариатом. Это было сильное впечатление. Это был поляк, который был совсем не похож на наших, из другого мира, из другой планеты. Интересно было.

Ну вот, собственно, наверное, и вся моя Польша.

— Отец был на войне?

— Нет, он был слишком молод. Он 1930 года рождения. И родил меня очень молодым. И на войну не успел, война закончилась, ему было 15 лет. Но он был в оккупации, некоторое время был в деревне под немцами, прятался с матерью и братом в лесу, когда немцы жгли деревню, уходя, так что он хлебнул вполне. Но не воевал.

Если речь о войне, то с Польшей связана, конечно, Катынь. Я не помню, из какого самиздата, но я это довольно рано прочитал. Это был еще один камушек в тот же самый огород, который был уже для меня полностью завален камнями, и там уже ничего живого не росло. Как-то меня очень рано всё разочаровало. Да я и никогда не был очарован властью, как-то такая обстановка была в доме, что просто неприлично было это обсуждать. Всем всё было понятно. Единственная забота моих родителей была в том, чтобы как можно раньше научить меня, что есть вещи, которые можно говорить на улице, а есть те, которые можно говорить только дома. Это было очень четко поставлено. Но никаких иллюзий по поводу этой власти у меня не было никогда, ни в пять лет, ни в пятнадцать. Вот так Польша у меня связывалась с войной — через Катынь. То есть всё, что наше правительство признало в 1990-е годы, я знал вполне точно задолго до этого. Не удивило.

— А события в Польше какие-нибудь производили впечатление?

— Только позже. «Солидарность», конечно. Это было замечательно... Но потом, мы ведь все об этом уже слышали по голосам. Пресса не доходила оттуда. Какой-то самиздат доходил, тамиздат доходил. За «Солидарностью» мы следили с большим сочувствием.

— А кто мы?

— Компания наша отчасти сложилась из детских знакомств, отчасти из более поздних, отчасти из университетских. Отчасти мои взгляды и моя наверное довольно широкая информированность были связаны с тем обстоятельством, что мы жили в очень интересном доме, наполовину писательском кооперативе. Это был дом, где оказалось из старых знакомых довольно много. В доме жила Машка, дочка Ефима Эткинда. И вся история травли Ефима Григорьевича проходила у меня на глазах. В этом же доме жил Миша Хейфец, которого посадили за историю с предисловием к самиздатскому собранию сочинений Бродского. Вся эта история тоже проходила у меня на глазах — и арест его, и суд, и бесконечные посылки ему в лагерь. Всё это было тут — просто такой был дом, что уйти от темы, сюжетов и информации было невозможно, даже если бы я этого и хотел.

— Где он находился?

— На Новороссийской улице, напротив парка Лесотехнической академии, стоит девятиэтажная точка высотная. Там многие

были знакомы, и многие друг к другу в гости ходили. Вполне нормально было, что мы в субботу утром собирались у кого-нибудь завтракать, у кого есть еда. Еда была не у всех — все были молодые и бедные. Завтрак этот мог плавно перейти в обед. К вечеру покупалась какая-нибудь выпивка. И шли бесконечные разговоры. Всё это было очень интересно, но не имеет к Польше никакого отношения.

— А про «Солидарность» поподробнее.

— Боюсь, что мои воспоминания будут мало отличаться от каких-то других. Начались в Польше какие-то события, мы узнавали про них по радио, из каких-то сам- и тамиздатских материалов, обменивались ими, с очень большим... сочувствием следили за тем, что там происходит, болели за Валенсу. До сих пор уважаю его. Недавно был в Польше и общался со своими знакомыми, они мне рассказывали, как Валенса читал лекцию. Валенса по-прежнему играет роль такого работяги от станка, по-прежнему исключительно умен, прозорлив. Играет, ваньку валяет, под дурачка такого, и этим способом позволяет себе высказывать напрямую всё то, что остальные сказать боятся.

Знаете, это чем-то напоминало футбольный матч: мы болели за команду, которая играет на той стороне. Важно, что они забивают в эти ворота, — вот это было очень приятно. Каждый раз, когда в эти ворота кто-нибудь забивает, мы испытывали большую радость.

— А какие-нибудь другие имена, кроме Валенсы, звучали?

— Ну, конечно, ксендз Попелушко.

— А вы знали о том, что в «Солидарности» интеллигенты и рабочие действуют вместе?

— Да, конечно.

— А были какие-то, не знаю, надежды на то, что в России может быть нечто подобное?

— Нет. Это могу сказать совершенно точно. Не скажу за всех, за всю компанию, очень разные были люди. И разные судьбы. Кто-то очень рано и быстро уехал, кто-то махнул на всё рукой, кто-то пытался какие-то... что называется, теория малых дел, да. Были и те, кто пытался внедряться во власть, менять ее изнутри — всякое бывало, публика очень разная была. Мнения у всех наверняка были разные. Но в моем случае — нет. У меня было абсолютно твердое убеждение в том, что я родился при

этой власти и помру при ней. Она никогда никуда не денется, этот монолит так и будет стоять. И поэтому события последующие были для меня полной неожиданностью. И я понимал, что, может быть, в Польше им удастся как-то раскачать, чего-то добиться, какой-то либерализации. Но, если честно, я думал, что все закончится, как и в Чехословакии. Параллель была всё время. У меня не было никаких сомнений, что как задавили Чехословакию, так задавят и этих, потому что этот монолит никогда никуда не денется и нельзя ничего хорошего от него ждать. Примерно так. А моя забота, как я тогда формулировал, ниточку протянуть... вот оттуда — вот туда. Из прошлого — в будущее. Там когда-то что-нибудь изменится.

Поэтому когда я в 1986 году, никогда не забуду этот момент, сидел перед телевизором и слушал речь Горбачева на каком-то там партсъезде или партзаседании, не помню, и когда он вдруг произнес, что «для коммунистической партии Советского Союза общечеловеческие ценности имеют приоритет над классовыми», я помню, что я подпрыгнул на стуле и сказал тому, кто сидел рядом со мной, не помню, кто это был: «Он понимает, что он сказал? Он понимает, что это конец? И его коммунистической партии, и его идеологии...». Вот это был первый момент, когда я подумал: погодите, нет, кажется, всё не так монолитно. Но это был 1986 год. Нет, для меня как-то эти два мира совершенно отдельно существовали. То, что происходило в Польше и в других странах, оно не имело отношения к тому, что происходит здесь.

— Никакого влияния не оказывало?

— Влияния на что? Влияния на умы? На мои умы уже влиять не надо было, они уже вполне такие, как надо. Всё остальное меня, честно говоря, не очень интересовало. Я никогда не занимался пропагандой, политпросветом, напрямую диссидентской деятельностью. Чего-то подворачивалось — мемуары Хейфеца пришли из лагеря, их надо было переправить — я помог их переправить. Но если не подворачивалось, я на рожон не лез. Был это отчасти и страх. Отчасти ощущение, что это совершенно безнадежная затея. Уезжать я не хотел никогда. А это было очевидно: если ты ввяжешься в это дело, то довольно быстро окажешься перед дилеммой — на запад или на восток. У меня были разные примеры перед глазами — и так, и сяк. И ясно было, что если — это, то следующий шаг — это эмиграция. А поскольку уезжать я никогда не хотел...

— Вы не помните, что говорил о «Солидарности» ваш отец? Как он переживал те события?

— Я не помню. Мы что-то говорили об этом, безусловно, но я сейчас боюсь додумывать за него. До введения военного положения он не дожил, он умер в ноябре 1981 г. от второго инфаркта... Не могу вспомнить никакого его высказывания. Что сочувствовал, несомненно. Предпринимал попытки узнать как можно больше. Вот эта мысль: у нас это не получится, и у нас это невозможно по причинам чисто хронологическим — пожалуй, его. В 1980 году в Польше этой власти было 35 лет, а в нашем отечестве — больше шестидесяти... Пожалуй, я помню это как его высказывание. Он мне говорил, что в Польше, и в Прибалтике, и в других странах европейских, ставших социалистическими, есть люди, которые еще помнят предыдущий период, еще помнят нормальную жизнь. У нас таких людей уже нет: нет людей года рождения Ахматовой, которые во вполне сознательном возрасте, молодыми, но в сознательном возрасте, жили в другой стране. Со всеми оговорками насчет качества нашей монархии, но тем не менее. А потом вот пришли большевики. И они еще помнят, как это было тогда. Формулировка моя, а смысл идеи — его. И поэтому то, что возможно у поляков, вряд ли возможно здесь. Здесь просто этого не умеют. Нет человека, у которого можно было бы спросить: а что такое вообще независимое забастовочное рабочее движение? Как это делается? Это, пожалуй, его идея.

— **Расскажите о своей последней поездке в Польшу.**

— Я лучше расскажу о своей предпоследней поездке сначала. Это был, наверное, год 1993-й, может быть, даже 1992-й. Меня позвали лекции читать в Познань. Ехал я через Варшаву. В Познани читал лекции, а в свободное время гулял. На обратном пути гулял еще и по Варшаве и восхищался. У нас тогда этого еще не было, у нас это появилось только через год-два, по-моему. А в Польше уже проходила стадия торговцев с ящичков и наступала стадия ларьков. Понятно, да? Сначала он расстилает тряпочку и с нее продает, потом накапливает денег на ящик, потом на ларечек, потом на магазинчик. И они уже были в стадии ларечков. Вся Варшава и вся Познань были уставлены, это был один огромный базар. Я помню, как я приехал в полном восторге и рассказывал, как здорово: всё купить можно прямо на улице, и чего хочешь. Даже туалетная бумага там продается на каждом углу. А у нас тогда это только-только начиналось. Это было для меня свидетельство того, что гайдаровские реформы пойдут: я же только что видел, как это бывает!

Последняя моя поездка была недавно, около года назад. И меня удивило другое. Я ожидал, что поляки по-прежнему настолько же впереди экономически. По тому, как люди одеты, как они

себя ведут, как выглядит город, как устроены магазины. Оказалось — нет, пожалуй, мы уже не отстаем. И это было неожиданно. Про Москву я не говорю — это отдельная история. Но даже в сравнении с Питером Варшава, пожалуй, победнее. Пожалуй, немножко победнее: не такое разнообразие одежд, автомобилей, лиц. Вот это меня удивило. Я не знаю, так ли это на самом деле, впечатление чисто зрительное, я никакой экономист и ничего про это не знаю. Но меня удивило. Может быть, по инерции. Я ожидал, что я увижу... Хорошо, вот мы уже вот тут. А что у нас будет через пару лет? И я поехал в Варшаву посмотреть. Пожалуй, что всё-таки нет. Мы, наверное, сравнялись, а может быть, даже Польша и отстаёт. Потом и поляки жалуются очень на свою ситуацию. Очень боятся вступать в ЕС, просто боятся. Все боятся резкого повышения цен. Все боятся выравнивания, все понимают, что это... С другой стороны, отдельные ростки, университет Варшавский, например, конечно, он выглядит лучше нашего. Тот центр, в котором я был, в центре Варшавы, просто очень хорош. И по благосостоянию, устойчивости, уверенности, по тому, как он выглядит. Там все время что-то встраивают, надстраивают, расширяют, развивают. Тут мне есть с чем сравнивать — мы от них отстаем. Мы, университет, от них отстаем. Хотя мы начинали в одно время.

Нет, замечательная страна. Мне очень нравится то, что я понимаю, что написано, понимаю, что говорят. Во всяком случае, когда говорят медленно, я понимаю. У меня нет ощущения чуждости. Приезжая в какую-нибудь Данию, Финляндию или паче того Японию, я в другой стране, там всё непонятное, всё чужое. У меня уходит много времени, чтобы начать понимать собеседника не на уровне того, что он говорит, а на уровне того, что он при этом думает. С поляками у меня уходит ровно сорок минут на то, чтобы, выпив первую рюмку, начать говорить на одном и том же языке. С поляками моих лет, конечно. У нас общий вот этот коммунистический опыт, общий опыт вылезания из этой ямы. У нас примерно одинаковые представления о том, как устроен мир, — я мгновенно нахожу с ними общий язык. Я худо-бедно понимаю, о чем они говорят, когда они говорят по-польски. Они почти все говорят по-русски. И они прекрасно говорят по-английски. Нет проблемы контакта с ними. В отличие от финнов, с которыми я могу просидеть месяц в одной комнате и так и не понять, что он там про себя думает, или датчанин. С поляками мне очень легко. Они какие-то вот мои люди. Понятные люди. Приветливые в отношении меня. Я понимаю, что это мое собственное ощущение, а не какое-то мифическое родство душ. Вот их энергия, некоторый гонор, гордость за то, что они

делают, за свою науку, за свою историю, за свою страну — она мне понятна. И не обидна, а, наоборот, очень симпатична.

— Как часто с поляками вы переходили на английский?

— Это зависело от их возраста. Когда я в 1992 году лекции читал в Познани, я спросил студентов: «На каком языке вы хотите, чтобы я читал, мне все равно, я могу по-русски, могу по-английски. Как вы мне скажете, так и будет». Они немножко засмутились и потом все-таки выдавили из себя: нет, пожалуй, все-таки по-русски. Потому что если они какого-то слова не знают, они поймут, догадаются. А по-английски если они чего-то не знают, то и не поймут. В этом году на семинаре говорили по-польски. А я там был белой вороной и говорил по-английски. Но, когда вопросы пошли, люди от сорока и старше задавали вопросы по-русски. Люди младше задавали вопросы по-английски. Мой коллега, которого я посещал, он понимает по-русски. Но он мне рассказывал, что он русский не выучил, и тогда, когда он его не выучил, это была доблесть, он этим хвастался. В школе у него по русскому была «тройка» и потом в университете у него была «тройка», по русскому еле-еле тянул. И это была доблесть. «Теперь, — он сказал, — я очень жалею об этом. Хотя уже поздно»... На улице я по-английски обращался — больше шансов. Но это везде так, в любой стране.

У меня, конечно, специфическая среда — профессура в основном. Поляки знамениты своими лингвистическими познаниями. Я вам рассказал о впечатлении периода молодости от поляка на космическом конгрессе. Я всегда им завидовал. Во-первых, у них гораздо лучше латынь, чем у нас. Она дольше преподается, они ее начинают еще в школе учить. На базе этой латыни они легко усваивают языки. Нормально для поляка говорить, кроме английского, по-французски, или по-немецки, или по-испански.

Еще я заметил одну забавную вещь. 15 лет их независимости, да. И у меня такое ощущение, что они уже пережили период, когда надо отталкиваться. В отличие от эстонцев, скажем. Многие поляки начинают искать контактов здесь. Вот уже не запахло, что называется, дружить с русскими, признаваться, что читаешь русскую литературу, признаваться, что интересна русская наука, признаваться, что в России были такие-то научные школы. С которыми интересно дружить. Уже не запахло. Раньше было запахло, понятно. Как наш основоположник говорил: прежде чем объединяться, надо размежеваться. Вот надо было размежеваться сначала. Эстонцы это не пережили еще. Они находятся, может быть, уже не в нижней точке отношений, но еще там. А поляки, может быть, я

ошибаюсь, но если не пережили, то начинают это переживать. Это значит, что есть шанс в будущем установить вполне нормальные, равноправные отношения. Уже ни Россия не обижена на Польшу, я не знаю, за Гришку Отрепьева, ни Польша не обижена на Россию за какие-то недавние дела. Есть, появляются уже люди, которые нашли в себе силы оставить это позади.

Приезжали к нам тут молодые польские филологи — в полном восторге. Прекрасно говорят по-русски. Меня это поразило: они приехали узнать, а какие у нас современные поэты существуют. Я не знаю современных польских поэтов и никогда этим не интересовался. А им интересно. Они говорят: «Что ж такое? Последний русский поэт, которого мы знаем, это Бродский. А потом что было?» Это хорошо, что им интересно. Опять-таки предыдущее состояние дел говорило о том, что ничего хорошего там, в России, быть не может, кроме плохого. Понятно, мафия, воровство — это всё, а хорошего там быть не может ничего. Слава Богу, это, кажется, проходит.

— По мифологии мы — младшие братья. Помните польский миф о трех сыновьях Пана? У Пана было три сына: старший Лех, средний Чех и младший Рус.

— Конечно, мы — младший брат, но мы какой-то гипертрофированно развившийся младший брат. Не по годам. С одной стороны, да. А с другой — масштабы не сопоставимы. Просто по количеству. Если взять XIX век, то на одного польского писателя приходится сто русских. Просто по статистике, я не говорю, кто лучше. Тут, в России, всегда было очень много всего: много денег, много войск, много культуры, много музыкантов.

— В общении с поляками вам приходилось отвечать на вопросы о вине? Вашей личной или вашей страны?

— Да. У меня ответ на это готов давно. Я поправил одну фразу в работе моей аспирантки. Она написала: «В 1930-е годы РСФСР проводила русификаторскую политику по отношению к БССР». Я ей написал: «Оля, это не точно, русификаторскую политику проводил СССР, а не РСФСР». Фактически эти решения принимало ЦК КПСС и президиум Верховного Совета СССР. Это еще большой вопрос, кто от коммунистов пострадал больше. Поэтому у меня нет никаких сомнений в том, что Советский Союз безнадежно виноват перед Польшей. Но он точно также безнадежно виноват перед Россией. А также перед Украиной, Литвой, Чехословакией, Венгрией и т.д. Поэтому — да, конечно, государственное преступление СССР имело место. Но не

чувствую я никакого сопричастия к этому государственному преступлению СССР, потому что меня травили точно так же. И надо сказать, что многие поляки это понимают. Не русские их обижали — те, кто их обижал, называются другим словом.

— Если говорить о Севере, о польских исследователях Севера?

— О! У поляков там было много ссыльных. Есть довольно забавное наблюдение, что этнографией, демографией, географией и так далее занимались народовольцы и их наследники эсеры. И никогда — социал-демократы или большевики. Вот странным образом марксисты никогда этим не занимались, им это было не интересно заранее. А народники и потом эсеры занимались. Поскольку поляки были либо эсеры, либо польские националисты, то они довольно много сделали для описания с конца XIX века. Наверное, самые крупные имена в северной, сибирской этнографии и лингвистике — Вацлав Серошевский, Эдуард Пекарский; в начале XX века, до 1905 года, сидели в Сибири, очень много писали, публиковали очень много. Про Пилсудского я уж и не говорю, на Сахалине есть Институт наследия Бронислава Пилсудского. И так далее. Поляков очень много там было, и они очень много там сделали для изучения этого края.

Но опять же здесь сложность одна есть, не знаю, может быть, это мои личные тараканы: я не очень люблю, когда ученых начинают делить на поляков, евреев, немцев, русских. Просто потому что не люблю. Это искус довольно опасный. Я могу понять, когда читаю статью «Евреи — исследователи Крайнего Севера» или поляки, — мне это понятно. Но подход сам по себе меня огорчает. Ну не то в них замечательно, что они поляки, немцы или армяне. Хотя, наверное, людям, которые сегодня живут в Ереване, приятно знать, что их соплеменники чего-то хорошего сделали. Вот был поляк, которой чуть ли не присоединил Мадагаскар к Польше — забыл фамилию, — наверное, полякам это приятно знать. Но ведь все эти эсеры и прочие, они же сидели в ссылке все вместе, дружили они все вместе, обменивались обнаруженными открытиями по этнографии или языкам Сибири, читали книжки, которые им присылали из Петербурга, тоже все вместе, и друг другу посылали. Можно, конечно, их делить по национальности, но скучно. Представьте себе, что я опубликовал статью «Русские — исследователи Сибири», и в ней аккуратно истребил из перечня исследователей всех с немецкими, еврейскими, польскими фамилиями. Что вы про меня скажете? Понятно, что вы про меня скажете. Поэтому я этого никогда не сделаю. И с я некоторой опаской отношусь к такому подходу. Он не мой. Мне

важно, что человек хорошее дело делал, а не что у него бабушка-полька. Я бы так сказал.

— Нет ли у вас ощущения, что сегодня поляки смотрят в нашу сторону намного более заинтересованно, чем мы?

— Да нет. Потому что как-то так получается случайно — я в такого рода случайности не очень верю, — что в последние года два-три в наш маленький университет довольно много людей с самых разных сторон, и начинают изучать одну и ту же историю. Вот эта ваша Ксюша...

— Она не моя, она ваша.

— Наша Ксюша, это девочка, которая у нас сейчас на первом курсе на этнологии хочет заниматься польско-белорусским пограничьем. Центр европейских исследований, который у нас открылся, собирается ехать летом в Варшаву и выступать на семинаре с докладом о том, как политические отношения складываются в Польше и других странах с восточными соседями.

— А кто этим занимается?

— Есть такая Маша Ноженко. Она, не знаю, занимается ли этим, но ехать в Варшаву и выступать на летней школе собирается. Вот мы только что закончили годовой проект по русско-украинским, русско-белорусским языковым контактам, изучали, как люди на самом деле разговаривают. Слыхали слово «суржик»? А слово «трасянка»? Это такие смешанные языки, на которых на самом деле разговаривает население, такой сильно русифицированный украинский язык, против которого борется вся украинская интеллигенция, потому что он ужасен, кошмарен, это не настоящий украинский язык, он под сильным влиянием русского языка находится. Тем не менее на нем говорит 90% населения Украины, когда думают, что говорят по-украински, или когда думают, что говорят по-русски. Вот этим мы занимаемся. Это тоже некоторый взгляд в ту сторону. Вот поляки с результатами этого отчета позвали нас выступать на летней школе в Варшаве. Вот Харьков организует небольшой семинарчик, туда приезжают поляки, русские, украинцы... Я бы не сказал, что всё это случайно.

— А почему новостей так мало о Польше?

— Не знаю. Наверное, то, что там происходит, не является для наших СМИ новостью. Новость — это когда что-то сгорело. Или

сначала сгорело, а потом утонуло. А если Польша вступает в Евросоюз, то какая же это новость?

— Это проблема.

— Когда с Квасневским были какие-то проблемы, это было в новостях и довольно много. Когда какого-то польского шофера у нас побили, тоже были новости. Новости... Вы их смотрите?

— Нет, я их не смотрю.

— Вот и я не смотрю. Я их не смотрю, потому что мне не интересно, что сгорело. Мне интересны другие вещи. Их не показывают по телевизору. Мне не рассказывают про то, что мне в городе действительно интересно. Слава богу, что в Польше мало новостей о пожарах и убийствах.

Вела беседу Татьяна Косинова

2004

КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

В начале января на экраны кинотеатров вышел фильм Агнешки Холланд «В темноте», номинированный на «Оскара» 2012 года в категории неанглоязычных фильмов. Выдающийся режиссер возвращается к тематике Катастрофы. Фильм основан на подлинной истории, изложенной в двух американских книгах: «В каналах Львова» Роберта Маршалла и воспоминаний Кристины Чайгер «Девушка в зеленом свитере». Фильм рассказывает о группе евреев, которые после ликвидации львовского гетто продержались 14 месяцев в канализационных туннелях благодаря помощи простого работника канализации Польдека Сохи. Соха, реальное лицо, до войны был уголовником, мелким воришкой, в системе городской канализации стал работать после освобождения из тюрьмы. Укрывая евреев, он первоначально не был бескорыстен. Однако, когда деньги закончились, он не прекратил помощи, покупая продовольствие на собственные средства.

«Это сложная, непростая фигура, — пишет Конрад Зарембский на портале «Culture.pl», — требовала от актера недюжинного таланта, который бы сумел не только придать достоверность герою, но и противостоять обязательным клише — как базирующимся на «польском» антисемитизме, так и связанным с прославлением гуманистического альтруизма. Такого, как Роберт Венцкевич, играющий в фильме Холланд свою жизненную роль». По мнению Тадеуша Соболевского («Газета выборча»), картину «В темноте» не без оснований сравнивают с двумя самыми знаменитыми фильмами о Катастрофе и спасении — «Списком Шиндлера» Спилберга и «Пианистом» Полянского. Только этот фильм лучше: «Холланд, как и те двое, приводит в движение жуткий театр уничтожения в сценах ликвидации гетто. Но в то же время не играет на чувствах зрителя, позволяет себе иронию и отстраненность. Популярны фильмы о Катастрофе берут зрителя в тиски эмоционального давления. Сначала сталкивают нас с оргией зла, чтобы затем схватить за горло картиной триумфа добра. У Холланд — по-другому».

Польские зрители могут также познакомиться с последним фильмом Романа Полянского «Резня», снятым по написанной в 2006 г. пьесе французенки Ясмины Реза «Бог резни». По мнению критиков, пусть это и не самый лучший фильм

Полянского, но он прекрасно демонстрирует мастерство режиссера. Две нью-йоркские супружеские пары встречаются, так как их 11 летние дети подрались после школы. Встреча начинается дружелюбно, но агрессия быстро нарастает, и вскоре происходит, как это назвал один из рецензентов, психологический стриптиз обеих пар. Полянский на вопрос парижского «Монда», что его привлекло в пьесе Ясмину Реза, ответил, что это «отбрасывание политкорректности, то, что персонажи демонстрируют подлинную человеческую природу, что они способны на ненависть, эгоизм, которые средний класс обычно скрывает под глянцем цивилизованности».

17 января в Большом театре — Национальной опере мы узнали имена лауреатов «Паспортов “Политики”» 2011 года. Это премии, присуждаемые с 1993 года молодым, ярко заявившим о себе художникам. Специальной премией «Творец культуры» отмечен выдающийся режиссер Ежи Яроцкий — в частности, за «создание театра, верящего в драматическое слово и разум зрителя; театр, в котором отражаются самые важные проблемы нашего времени».

В категории «Театр» премию получил режиссер Кшиштоф Гарбачевский за спектакль «Сексуальная жизнь дикарей» (варшавский Новый театр), вдохновленный трудом антрополога Бронислава Малиновского. В категории «Кино» премия присуждена Рафаэлю Левандовскому за режиссуру фильма «Крот»; художник отмечен, в частности, за попытку раскрыть тему польской люстрации. Писатель и фотограф Миколай Лозинский получил «Паспорт» в категории «Литература» за книгу «Книга» (Выдавництво литерацке). В категории «Музыка» премия присуждена ex aequo двум музыкантам: певице и композитору Юлии Марцель и Мацею Шайковскому — музыканту, связанному с несколькими интересными коллективами (например, варшавской «Капеллой из деревни»). В категории «Академическая музыка» «Паспортом» отмечена скрипачка Александра Кульц, а фотохудожник Николас Гроспьер получил премию в категории «Визуальные искусства».

23 января исполнилось пять лет со дня смерти Рышарда Капустинского, классика польской литературы факта. На посвященном памяти писателя вечере в Варшавском университете Алиция Капустинская напомнила, что желанием ее мужа было направить часть гонораров на финансирование стипендий для молодых репортеров. Фонд имени Рышарда Капустинского «Геродот» объявил в прошлом году конкурс на творческую стипендию, предназначенную для осуществления

репортерских проектов (30 тыс. злотых ежегодно). Жюри в составе Ханны Краль, Славомира Поповского, Эльжбеты Савицкой, Малгожаты Шейнерт и Мариуша Щигела отобрало пятерых финалистов из 64 претендентов. Стипендия единогласно была присуждена Анджею Мушинскому (род. 1984), автору проекта репортерской книги о Бирме.

Вышли две новые книги, посвященные Рышарду Капустинскому. Первая — «NOMBRE Капустинский» (издательство «Роснер и партнеры»), в которой Мирослав Иконович, корреспондент Польского агентства печати, пишет о многолетней дружбе с Рышардом Капустинским, его смелости, левых симпатиях и довольно консервативным отношением к женщинам. Автор не полемизирует с Артуром Домославским, чья биографическая книга «Капустинский non-fiction» вызвала многочисленные споры. «Я эту книгу прочел, уже написав свою. Это биография, а мой портрет Рышарда — субъективная повесть о нашей дружбе», — подчеркивает Иконович. Вторая книга — это «Писательство. С Рышардом Капустинским беседует Марек Миллер» (издательство «Читательник»), к которой прилагается DVD-диск с документальным фильмом 1987 года «Рышард Капустинский» в постановке Яцека Тальчевского. Бесценная публикация для всех, кто интересуется творчеством автора «Императора», но прежде всего для тех, кто увлечен журналистикой, хочет ее изучать и ею заниматься.

25 января на прилавках книжных магазинов появился второй том «Дневника» Славомира Мрожека, охватывающий 1970—1979 годы. Писатель в это время находился в эмиграции: путешествовал по Европе, познакомился с Соединенными Штатами, в первый раз посетил Южную Америку. В это же время он написал знаменитых «Эмигрантов», «Горбуна», «Бойню», «Серенаду», «Охоту на лис», «Портного».

«“Дневник” Мрожека стоит читать, ибо это история не одного только писателя, но всего поколения интеллигенции из Восточной Европы, подобно ему, оказавшегося перед дилеммой: сохранить себя ценой компромисса или обрести свободу с риском утраты корней. Не скрывающий боли, исполненный горечи, временами эксгибиционистский, «Дневник» — одно из наиболее горьких свидетельств человеческого стремления к свободе» (Роман Павловский, «Газета wyborcza»).

Кристина Черни — писательница, критик и историк искусства, преподающая в Ягеллонском университете, — стала лауреатом премии нынешнего года имени Казимежа Выки, присуждаемой

за выдающиеся достижения в области эссеистики, литературной и художественной критики. Среди многочисленных работ Кристины Черни — публикации о самых крупных фигурах польского искусства XX века, в частности о Тадеуше Канторе и Ежи Новосельском.

За биографию Ежи Новосельского «Нетопырь в храме» (издательство «Знак») Кристина Черни получила еще одну премию нынешнего года — от журнала «Нове ксёнжки». Первая биография умершего в феврале 2011 г. художника, мыслителя, православного богослова, восхищавшегося русской иконой (сына лемка и полонизированной австрийки) проливает новый свет на его жизнь и творчество. Показывает человека с его слабостями и болезненными терзаниями. Черни подробно описывает творческий путь и педагогическую деятельность Новосельского, не пропуская неудобных сюжетов, таких как зависимость от алкоголя. Название книги автор почерпнула из высказывания Тадеуша Ружевича: «Живопись Новосельского — это живопись, распростертая от любви «небесной» до любви «земной». Раздираемый этими двумя любовями, художник иногда напоминает ангела, а иногда нетопыря, висящего в подземелье покинутого храма».

Как объявил Национальный музей в Кракове, прошедшую в прошлом году выставку «Тернер. Художник стихий», включавшую свыше 80 произведений крупнейшего художника английского романтизма, предтечи импрессионизма и символизма, посетило почти 67 тысяч зрителей. Уже лет десять ни одно музейное событие в Польше не привлекало такого внимания. Картины Тернера, представляющие стихии земли, воды, воздуха и огня, — в основном из лондонской галереи «Тейт», а также из нескольких других английских и американских собраний.

За 55 тысяч евро (или около четверти миллиона злотых) Музей современного искусства в Варшаве приобрел у нью-йоркского коллекционера знаменитую работу Збигнева Либеры «Лего. Концентрационный лагерь». Средства частично были собраны по публичной подписке. Это, одно из наиболее значительных произведений современного польского искусства с момента появления вызывало споры. Оно создано в 1966 г. из кубиков, подаренных художнику фирмой «Лего», и представляет собою композицию из нескольких разной величины коробочек с кубиками. Каждая коробочка снабжена надписью «This work of Zbigniew Libera has been sponsored by Lego». Фирма заявила официальный протест, когда обнаружилось, что же построил художник из кубиков. Начался даже судебный процесс, но затем

«Лего» отказалось от своих претензий. Работа Либеры должна быть показана во время запланированной 2012 г. выставки коллекции Музея современного искусства в Варшаве.

на экраны кинотеатров вышел Концерты можно было послушать в Королевском замке и в Концертной студии Польского радио имени Витольда Лютославского. Фестиваль открылся концертом выдающейся норвежской певицы Сольвейг Крингельборн. Для маленьких зрителей был подготовлен мини-фестиваль «Цепочка», название которого отсылает к написанному Лютославским в 1950 х циклу песен для детей «Соломенная цепочка».

«Marsz Polonia» Ежи Пильха — этот роман «с тенденцией», в котором легко распознать важные фигуры современной польской истории, такие как Ежи Урбан или генерал Ярузельский, — попал на сцену. В театре «Повшехный» в Лодзи его поставил Яцек Гломб. По замыслу режиссера это должно быть фантасмагорическое, гротескное и архипольское повествование о рауте, потихоньку перерастающем в оргию. Совмещающее комичное с трагическим, историю — с мифами о польских святынях и паранойях. Безумное повествование о наших национальных упырях, заставляющее вспомнить «Свадьбу» Выспянского и «Бал в опере» Тувима.

На камерной сцене краковского Старого театра 21 января состоялась премьера «Кордиана» по Юлиушу Словацкому в радикальном перетолковании Шимона Качмарека. Романтическая драма с большим успехом ставилась во времена ПНР. В те годы обязательной дружбы с русским «старшим братом» любая аллюзия на тему царя или «москалей» сразу с восторгом воспринималась зрителем. А сегодня? Какие пласты драмы Словацкого интересуют молодого (род. 1986) режиссера? Как он видит своего Кордиана?

«Кордиан выжил, — пишет Иоанна Таргонь в краковском издании «Газеты выборчей», — и сам не застрелился, и его не расстреляли. Со своей жаждой смерти и склонностью к саморазрушению, он сидит, парализованный и постаревший, в инвалидной коляске. И всё жаждет умереть».

«Обездвиженный человек в инвалидной коляске просит эвтаназии, — пишет Юстина Новицкая в «Жечпосполитой». — В пустом, лишенном индивидуальности больничном интерьере присутствует опекун парализованного и несложная машина, позволяющая безболезненно расстаться с миром. Это спектакль о сознательном уходе, об обольщении смертью и подчинении ей всей жизни».

Сорок лет назад ряды любителей театра восхищал (или возмущал) Кордиан на стремянке в спектакле Адама Ханушкевича. Кордиан — калека в инвалидном кресле — это тоже оригинальный замысел, но впечатление все-таки послабее.

Прощания

12 января в возрасте 81 года умерла профессор Ханна Свиды-Земба, выдающийся социолог и прекрасный человек. Она была авторитетом в области изучения молодежи и обладала безусловным моральным авторитетом. Во времена ПНР активно участвовала в действиях антикоммунистической оппозиции. В 1991—1993 была судьей Государственного трибунала. Главная ее книга — это вышедший в прошлом году труд «Молодежь ПНР. Портреты поколений в контексте истории». Осенью 2011 г. во время Краковской книжной ярмарки эту книгу отметили премией имени Длугоша. Профессор Свиды-Земба была также автором книги «Внутренне поработанный человек. Механизмы и последствия минувшей формации — психологический анализ», в которой исследуется тоталитарная система. В последнее время преподавала в Высшей школе социальной психологии и в Институте прикладных общественных наук Варшавского университета.

В тот же день, 12 января 2012 г., в Варшаве в возрасте 67 лет умер Кшиштоф Гонсёровский, поэт, эссеист и литературный критик. Он был связан с поэтическим движением «Гибриды». С 1969 г. работал в журнале «Вспулчеснось». Заведовал также отделом поэзии в «Литературе». С 1975 г. был заместителем главного редактора «Поэзии». Лауреат «Красной розы», «Варшавского лавра», литературной премии имени Владислава Реймонта и премии имени Норвида. Награжден Командорским крестом ордена Возрождения Польши, был лауреатом премии министра культуры 2005 года. «Свою богатую творческую жизнь он наполнил любовью к литературе. Оставил будущим поколениям прекрасную поэзию», — говорится в некрологе, подписанном министром культуры Богданом Здроевским.

13 января в Варшаве умер Збигнев Вегехаупт, выдающийся польский джазовый контрабасист. Ему было 57 лет. Многократно, по результатам опроса читателей журнала «Джаз-форум», признавался лучшим контрабасистом. С его участием было выполнено несколько сот записей джазовой музыки. Исполнял также музыку для кино и театра. Вегехаупт боролся с болезнью сердца. В декабре 2011 года в варшавском клубе театра «Капитоль» прошел благотворительный концерт легенд польского джаза «Играем для Збышека». Музыканты

хотели помочь больному коллеге, который уже не мог выступать на сцене.

21 января 2012 г. в варшавской больнице после тяжелой болезни умерла певица Ирена Яроцкая. Ей было 66 лет. «Милая, красивая, естественная, нормальная девушка. Все ее любили», — вспоминает Збигнев Водецкий. Ее первым шлягером была песня «Гондольеры на Висле». Популярностью пользовались также такие произведения в ее исполнении, как «Я бабочка», «Кафе уплывают», «Я тебя придумала». В 1976 г. сыграла вместе с Анджеем Копичинским в экранизации «Сорокалетнего» Ежи Гузы (картина называлась «Я бабочка, или роман сорокалетнего»). Играла также в пьесе Славомира Мрожека «Прекрасный вид».

22 января в возрасте 67 лет в Варшаве умерла Малгожата Барановская — поэтесса, писатель, критик и историк литературы, знаток Варшавы. Она была автором нескольких сборников стихов, книг об искусстве сюрреализма и о поэзии Виславы Шимборской. Но самое значительное в ее наследии — сборники эссе: «Мистический памятник», «Варшава. Месяцы, годы, века», «Частная история поэзии» (последний в 2000 г. выдвигался на премию «Нике»). В альбомном издании «Посланец чувств. Частная история открытки» Барановская представила свою огромную, прекрасную коллекцию почтовых открыток, а также знание их истории, коллекционирования и культурной роли. Наиболее личная книга Малгожаты Барановской — «Это ваша жизнь. Быть собой при хронической болезни» (1994), в которой писательница, многие годы страдавшая от неизлечимой болезни — красной волчанки, показала, что и больной человек может вести активную жизнь.

Катажина Кучинская-Кошани

СИДЕЛЬЦЫ. МЛЫНСКАЯ, 1

Общественно-художественный проект в Театре Восьмого Дня.

Премьера: 7 июля 2011.

Сценарий: Ева Вуйчак в соавторстве с Паулиной Скорупской и актерами.

Участвуют: Адам Боровский, Тадеуш Янишевский, Мартин Кеншицкий, Ева Вуйчак, на видео — Давид Блащак, Януш К., Артур Краузе, Матеуш Кузьмич, Макс, Конрадо Морено, Марек Зюлковский, Мацей Железный.

На премьере этого представления я не была. О чем жалею, так как на него пришли действующие лица спектакля — заключенные. День спустя они тоже там были, хотя уже не во плоти. Тела не получают увольнительных так часто, но снятые на видео рассказы заключенных вышли на волю и участвовали во всех последующих представлениях не только в Познани.

Восемь историй заглавных «сидельцев» — пенитенциарный жаргон подвергается в спектакле значимому острашению, когда врывается в очередные исповеди, касающиеся реальной жизни, — рассказаны ими самими (сначала они их написали, а потом еще и «наговорили»), но в спектакле сидельцами становятся четверо актеров. Актеры говорят их словами, не закавычивая, не превращая речь в косвенную или несобственно-прямую. Это изначально узаконено переходом от «он» к «я». Актеры — и есть сидельцы. А значит, и мы, зрители, — тоже они. (Мы, зрители, вдруг узнаём о себе всё это: мы тоже когда-то крали шоколад в магазине или яблоки из чужого сада, но никто на нас не донес, нам повезло; никто нас не бил, тоже подфартило; мать не пила, опять же случай действовал в нашу пользу).

А что же мы? Мы зрители везде,

Всегда при всем и никогда вовне.

Порядок наводя, мы разрушаем,

И сами разрушаемся потом.

(Перевод Владимира Микушевича)

Этого фрагмента «Восьмой Дуинской элегии» в «Сидельцах» нет, но, быть может, он — квинтэссенция поэтики восприятия представления. Хотя в одном из рассказов тень его появляется, будто кто-то произносит его невзначай, от себя. Эта аналогия свидетельствует, что даже самая сложная поэзия всегда родом из жизни и только из нее (а потому всегда может вернуться туда, откуда пришла).

Актеры беспрерывно ходят вдоль барьера, по обе стороны, туда-сюда (есть и две скамейки, с двух сторон унылой тюремной тропы), садятся, встают, ходят, говорят не переставая. У всех одинаковые башмаки, мы смотрим на эти башмаки. Все одеты в серое, хоть и не в тюремные робы.

Когда мы впервые слышим голос заключенного, это и поражает, и нет. Нет — потому что взгляд зрителя подготовлен к тому, что головы начнут говорить, — подготовлен мозаикой профилей «сидельцев», коллажом, иллюстрирующим явление институционализированного насилия в европейской культуре: то, что Мишель Фуко сформулировал в максиме-предписании — «надзирать и карать». К этому готовит и удвоенное, кажущееся бесконечным пространство тюремного коридора. Поражает, что говорят не головы, а элегантно, празднично одетые — точнее, переодетые — узники. Галстуки, пиджаки, рубашки — словно откуда-то из другого мира, не из того, где существуют обритые головы и профили коллажа.

Первым говорит Давид — он никогда не видел своей матери трезвой, его брат утопился, у него остался только отец. Давиду 21 год, и он (сам захотел выучить текст наизусть, не все так поступили) произносит слово «мать» так часто, как никогда прежде в жизни. Учится произносить это слово. Он начинает фрагментом «Третьей Дуинской элегии», задавая тон тем, кто будет говорить после него:

Мать, зачала ты его, с тобою он маленьким был;

Новым он был для тебя; ты над новым взором
склоняла

Ласковый мир, преграждая дорогу чужому.

Ах, куда они делись, те годы, когда заслоняла ты
просто

Стройной фигурой своей неприкаянный хаос?

(Перевод Владимира Микушевича)

И с этой минуты очередные персонажи говорят фрагментами «Дуинских элегий». В программе читаем, что постановщики попросили заключенных произнести строки «самого метафизического из метафизических поэтов». И вот случилось нечто — по крайней мере для меня — неожиданное. Цикл, который считается вершиной герметизма в поэзии XX века, текстом трудным, требующим изощренной интерпретации, начинает жить. Каждый из восьмерых говорящих произносит то, что сам выбрал. То, что им выбрано, а не ему задано. Как в случае с историей Давида, происходит удивительное сплетение историй их жизни и текста дуинского цикла.

Рильке тоже десять лет сидел в тюрьме, когда писал элегии. Не буквально. Он мог путешествовать, заводить романы, был — по видимости — свободен. Однако сам почувствовал себя свободным лишь тогда, когда завершил этот цикл. Он сидел в воображаемой тюрьме. Конечные вопросы невозможно исчерпать в отдельном высказывании, даже повинуюсь вдохновению, приходящему неведомо откуда. Ответы действительно оплачены десятилетием жизни. Это один из самых суровых приговоров, без увольнительных, без «условных сроков».

Мы, зрители, оказываемся внутри рокировки, которая последовательно совершается в спектакле. Актеры — узники, а узники — актеры. (И это не обычная механическая смена ролей в человеческой комедии, где все мы играем свои и только свои, к несчастью, роли). Свобода — всегда вопрос воображения, а без воображения (как слышим мы в одном из рассказов) в тюрьме не выжить.

Мы предстаем сами перед собой — как в финале спектакля те, кто попеременно играл разные роли. Играл, то и дело становясь кем-то другим. Всем своим существом переживая не-себя. И мы, зрители, — тоже добро-вольные узники этой театральной рокировки, пограничной творческой ситуации.

(Если бы это был греческий театр, с обязательными для него атрибутами, актеры предстали бы вестниками, ибо все истории здесь рассказаны, а не показаны; заключенные были бы хором — это они произносят самые важные слова).

Название «Сидельцы» необычно. Это разоблаченный эвфемизм, выявляющий условность санкций. Упорное, с наложением, повторение поэтических фрагментов в финале спектакля подводит к мысли, что каждый, кто живет, — рецидивист.

В программе читаем: «Важнейшей задачей было — показать боль существования, независимо от жестоких порой преступлений, совершенных сидельцами. Вне социального генезиса их судеб, вне тяжких невзгод, которые их постигли, вне их роковых деяний — мы хотели отыскать то, что неочевидно, неуловимо. Мы вновь и вновь открывали, что “зло банально”, а человечность — сложна».

Возможно, именно данный проект тематически выразил самую суть фестиваля «Мальта», паролем которого в этом году было: «Отверженные».

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Вышло уже 49 номеров еженедельника под гордым названием «Полагаю Же». И хотя «Же» («Rze») — это из логотипа «Жечпосполитой», всё-таки, и не только с точки зрения орфографии, разумнее было бы «Полагаю, что» (...że). Впрочем, издание это, с по-своему футуристическим названием, не в ладах не только с орфографической нормой, но и политическим здравым смыслом, разделяя мир на две области: первая — область «правильности» и «салона», управляемая «системами» и не до конца проясненными интересами тайных центров политической и культурной жизни; движущие силы этого мира обозначаются местоимением «они». Второй мир — «наш», или тот, в котором исповедуются «подлинные» ценности; столпы этого мира намерены разоблачить манипуляции, которым подвергается не только вся Польша, но и мировая цивилизация. Такое размежевание относится, конечно же, и к литературе, которая делится на правильную и неправильную, что с необычайной меткостью установлено в статье Рафала Земкевича, озаглавленной «Останки Просвещения». В ней рассматривается вышедшая недавно литературно-критическая книга Пшемислава Чаплинского «Останки современности». Так вот, Рафал Земкевич заявляет:

«То, что мы привыкли называть салоном, — это творение аморфное, попытки спора с ним — (...) словно кисель резать. Любой удар приходится в пустоту, потому что салон всегда не там, куда наносится удар, а вокруг — и вообще не обороняется, а лишь квакает в ответ. Вот и Чаплинский, которого я отношу к выдающимся членам этого салона, представил свою цельную, логичную повесть о картине современной польской литературы. Это бесценный сам по себе автопортрет среды, силящейся управлять, всё еще с большим успехом, рецензиями и списками бестселлеров».

Вот и всё, что необходимо: есть противник (пусть его и не ухватишь), есть борьба и попытки нанести удары, есть также стремление разоблачить манипуляции, которым подвергается литературная общественность.

Рафал Земкевич (род. 1964) — автор более десятка книг, в основном публицистических, но и нескольких романов, в том

числе предпринимающих попытку похвалиться с польской современностью («Инородное тело», 2005; «Ископаемый», 2011), а также фэнтези. Писатель, заметим, многократно получал награды «своего» салона. Если изучить всё написанное Земкевичем, нетрудно заметить, что главный, и притом отрицательный, персонаж его фельетонов и беллетристики — это выступающий под разными псевдонимами, а также и под собственным именем Адам Михник, в котором нарраторы видят центральную фигуру повергнутого ими «салона». При этом представляется значимым тот факт, что статья Земкевича обретает несколько расширенный контекст именно на страницах опубликовавшего ее еженедельника, конкурирующего на рынке с такими изданиями «салона», как «Политика» или «Впрост», продаваемыми за 5 злотых, посредством использования демпинговой цены (2,90 зл.) и таких текстов, как интервью с председателем «Права и справедливости» Ярославом Качинским под заголовком «Ход событий подтвердит нашу правоту» или разоблачающий беззакония нынешнего режима опус Здислава Краснодембского «Ключевые вопросы о Третьей Речи Посполитой». Все оценки и диагнозы положения в стране определенно катастрофические, как, впрочем, и в романах Земкевича, и единственное спасение — это переход власти к правым и, как можно догадаться, реанимация идеалов консервативной революции, свершившейся в свое время в Веймарской республике, а ныне предпринятой в Венгрии премьер-министром Орбаном. Не случайно, предрекая себе победу на очередных выборах, свой призыв к бою Качинский завершил словами: «У нас в Польше еще будет... Будапешт». Я, впрочем, пережил коммунизм, так что переживу и это.

Всё же вернусь к статье Земкевича. Он утверждает буквально, что «ядро традиционного польского духа» — это романтизм с Мицкевичем во главе, причем романтизм особенный, ставший «явлением в европейской и мировой культуре, явлением специфическим, непонятым, слабо связанным с парадигмой Байрона или Шиллера», что обусловлено усвоением наследия сарматства, сущностью которого «было республиканство»:

«Свобода и равенство как основное право. Суверенность нации над королем (...) как принцип строя, а также равенство граждан и равенство разбросанных по территории имений как субъектов, по принципу децентрализованного государства, — вместо главенства столицы над провинцией и города над деревней». Жаль только, что, превознося республиканские идеалы, Земкевич не вспоминает о том, кто заслуживал, в соответствии с законами шляхетской республики, права

именоваться гражданином. Гражданами были тогда исключительно представители шляхты, вдобавок лишь мужского пола, шляхтянки права участия в сеймиках не имели, как, впрочем, и крестьяне, мещане и многие другие социальные группы. Нацией была только шляхта. И если эти принципы Земкевич стремится перенести в современность, то я бы предпочел держаться подальше от этого проекта. Разве что, как писал Юлиуш Мерошевский, все поляки оказались бы приобщенными к шляхетскому достоинству в результате необходимости усвоить в школе шляхетские идеалы, утвержденные в национальном эпосе Мицкевича «Пан Тадеуш». Однако приходится сомневаться в этом, особенно сегодня: «Пана Тадеуша» в школах уже не проходят в полном объеме. Вместе с тем, для Земкевича очевидным представляется равенство: нация = романтический польский дух = современная шляхта = истинные поляки = «Право и справедливость». Без затей. Но читаем дальше:

«Воплощением романтического польского духа (поскольку иного не бывает, далее я прилагательное опускаю) были Легионы Домбровского, песнь которых архиточно была избрана нашим национальным гимном». Для понимания проблемы оппозиции «романтизм — Просвещение» важен простой вопрос: «К чему принадлежат Легионы?» Да, они, несомненно, выросли из идей Просвещения, сам генерал Домбровский, очужеземившийся масон и радикал, или автор «Мазурки» Выбицкий — это типичные люди Просвещения. Но не станиславовского просвещения! [речь о короле Станиславе Августе. — Л.Ш.]. Не столичного, варшавского просвещения, которое просвещенческим революционным идеалам противоречило, было попыткой реформирования сверху, а именно создания централизованного государства и отказа от шляхетской демократии как неэффективной. Легионы почерпнули просвещенческую революционность у истока и в свою очередь сами, посредством наполеоновской легенды, стали ее истоком для поколения романтиков. На этом пути романтизм объединил, через идею главенства свободы и равенства, общественный радикализм Нового времени с охранительным по природе сарматством. (...) Отсюда начался польский спор, который всё продолжается: между Просвещением, призывающим к рассудочному пребыванию в зависимости, и романтическим стремлением к свободе для всех и сразу».

И этим должна заняться современная литература, ибо мы — что следует не только из выводов Земкевича, но из всего нарратива «Полагаю Же» — пребываем в каком-то не совсем

четко очерченном «подданстве», измученные, лишённые собственной воли, с одной стороны, Брюсселем, централизующим всё и вся, а с другой — подчинённые давлению, превращающему Польшу, как усмотрел Качинский, в «германо-российский кондоминиум».

Вот и в понимании Земкевича литература «салона», которую в своей книге описывает Чаплинский, — это литература того позитивизма, который призывает «к рассудочному пребыванию в зависимости», некий тип суперпсевдоклассицизма, сущность которого составляет написание стихов «о высаживании горошка» (следовало бы напомнить Земкевичу и К° раннюю поэму чтимого ими Мицкевича «Картошка»):

«Не то чтобы положительные герои повествования Чаплинского были графоманами или ничтожествами (...). Дело попросту в том, что они пишут ни о чем. Уже даже не о высаживании горошка, а о высаживании симулякра горошка. Токарчук с большим талантом имплантирует в польский язык различные культурные чужеродности. Масловская, безусловно с талантом, продолжает словесные игры «языковой и художественной революции» времен ПНР. Импресии путевых заметок Стасюка читаются гладко, несмотря на их банальность (...). Но главное в том, что всё это писанина ни о чем, ни для кого, всё это незачем, никого не вдохновит и не воодушевит, ибо жизнь в Польше — это что-то совсем другое. А в салоне — пусть там есть дотации и гранты, премии и напыщенные рекламирующие рецензии — жизни нет». Уф!

Легко было бы ответить: жизнь там, где хорошая литература. И в той литературе, которую люди хотят читать. Вовсе не случайно в течение нескольких лет Токарчук побеждала во всех — конечно же, управляемых «салонам», но все-таки во всех — читательских плебисцитах. Не случайно также, что Масловская своим дебютным романом достигла небывалого издательского успеха: тираж в 120 тысяч для Польши — астрономический результат. Значит, кто-то это читает, для кого-то это было написано (уж точно не для меня, но это другой вопрос). И правда то, что называемые Чаплинским авторы не распознают ужасных опасностей, в которых пребывает современная Польша, и не обязательно согласны с мнением, что существует исключительно лишь «романтический польский дух», а находят темы для своих произведений не в призывах к консервативной революции, но в обращении к правам отверженных (будь то роман Тулика «Слезы» или сборник рассказов Сеневиша «Евреек не обслуживаем») или к вопросам

регионального самосознания (романы Ивасюв, Лесковацкого, Хюлле, Ковалевского и многих других), уничтоженной централизованной жизнью ПНР. Вопрос о том, должен ли польский дух быть замкнутым в романтизме, можно оставить открытым, но при одном важном условии: не ставить к стенке как врагов народа тех, кто с романтической традицией не чувствует родства. Тем более что, быть может, именно они сумеют нашу культуру освободить от «проклятых проблем», как постмодернистская русская литература — русских.

И все же с прискорбием должен сказать, что статья Земкевича, независимо от ее оценки, — единственная за последние годы в изданиях, адресованных широкой публике, имеющая целью всерьез говорить о литературе, чья жизнь и проблемы оказались загнаны в тесные ниши рубрик культурной хроники и низведены до нескольких фраз о новостях книжного рынка. Если кто-то и берет слово, то оказывается, что он лишь демонстрирует свои комплексы по отношению к миру или ищет возможности блеснуть серией эффектных или, скорее, рассчитанных на эффект заявлений. Именно так обстоит дело со статьей Лешека Бугайского «Литературный матч: Польша — остальной мир» на страницах еженедельника «Ньюсуик-Польша» (2012, №2/). Описывая положение в польских книжных магазинах, этот небезызвестный критик, не первый год публикующий свои рецензии в журнале «Творчество», пишет:

«В течение двух месяцев появились на прилавках самые новые — изданные в оригинале в 2010 г. — романы таких авторов, как недавний нобелевский лауреат Марио Варгас Льюса («Сон кельта»), последний лауреат Гонкуровской премии Мишель Уэльбек («Карта и территория»), сверхпопулярный и претендующий на Нобелевскую премию японец Харуки Мураками (третья часть «1Q84»), крупнейший итальянский литературный авторитет Умберто Эко («Кладбище в Праге»). Им сопутствовали известный американец Джонатан Франзен («Свобода») и испанец Артуро Перес-Реверте («Осада») (...). А что мы бы могли противопоставить названным авторам? Всего лишь два полнокровных романа: «Дровосек» Михала Витковского и «Фриц» Аркадиуша Пахольского».

И это должно быть несчастьем? «Всего лишь»? Два едва ли не дебютанта рядом с элитой мировой литературы... Логика Бугайского просто поражает. Поражает также, увы, состояние профессиональной подготовки к исполнению роли критика, ибо очевидно, что названные романы поляков никак не равня по своему интеллектуальному уровню и художественному

рангу названным выше произведениям (хотя, по правде сказать, я не понимаю восторгов по поводу Уэльбека: это как раз средний уровень). Но пойдем далее. Бугайский пишет, что «создание мира в романе — это огромное усилие: необходимо не только его представить себе, но и исследовать и проявить его реалии. Те великие делают это чаще всего при помощи исследователей и специалистов разных областей, а также изучая массу текстов-источников. (...) У нас такого явления нет, или оно очень редкое. Польский автор, еще ничего не написав, уже убежден, что он художник». Скажем, что в данном убеждении ничего дурного нет, хотя лично я такой позиции не люблю. Но почему польский критик убежден, что он уже аналитик, если несет вздор. Судите сами: «Тибериус Цезарь», роман Яцека Бохенского, свидетельствует о глубоком изучении темы; роман «Eine kleine» Артура Лисовацкого о положении немцев в послевоенном Щецине потребовал серьезных исследований; исторический роман Эустахия Рыльского «Условие» — это свидетельство замечательной работы с документами; «Лёд» Яцека Дукая — это произведение, которое не появилось бы без широкого изучения реалий начала XX века. Это первые пришедшие на память примеры. Ну и что: поляки не умеют того, с чем управляются настоящие профессионалы, — таков яркий, хотя одновременно весьма неумный тезис автора статьи. Далее и того хуже:

«У нас в истории не было ни многих великих путешественников, ни пиратов или корсаров, которые совершали бы какие-то выдающиеся поступки, пусть даже плохие. Поляки закидали у себя, и если кто-то здесь что-то колонизировал, то это небольшая группа владельцев закрепощенных крестьян, выгадывающая, как бы эффективнее их использовать».

О чем же нам тогда рассказывать? Если предкам было не о чем, то и нам. И снова какой-то лепет: достаточно вспомнить массы польской эмиграции, роль Костюшко и Пулавского в войне за независимость США, или достижения польских инженеров, строивших в Андах высокогорные железные дороги, или судьбы изгнанных из Польши ариан, которые основали в Нидерландах выдающийся интеллектуальный центр. Довольно сказать только об этом. Кажется, что-то литературно-восхитительное в нашей истории все же происходило. Что до путешественников, то достаточно назвать легендарного Яна из Кольно, который, похоже, добрался до Америки раньше Колумба, не говоря уже о Конраде, который стал английским писателем. Если же говорить о колонизаторах, то, безусловно, кое-что на эту тему (и для поляков, безусловно, не очень

приятное) могли бы сказать хотя бы украинцы. Согласно Бугайскому, наше происхождение не позволяет конкурировать с другими:

«Нет вины современных прозаиков в том, что у них такие художественные гены (...)». Польской прозе «нужно время, чтобы преодолеть отставания и с шансами на победу выйти на художественный стадион и сыграть матч с каким-нибудь литературным «Реалом» или «Манчестером»».

Скажу вот что: не надобно времени, чтобы превратившийся в футболиста польский прозаик с полного разбега дал под зад такому критику. А может, и не сто́ит. Ведь благодаря таким будущий полонист сумеет узнать, каковы были проблемы, с которыми сражались журналисты «от культуры» в начале Лета Господня 2012.

ДАША

Вот уже три года как ее нет.

Не звонит, чтобы рассказать последние московские новости, не спрашивает, что слышно у нас. Мы уже смирились с мыслью, что ни в Варшаве, ни в Москве мы с ней не встретимся. И не поговорим о политике, о том, что объединяет и что разделяет поляков и русских. И не поболтаем с ней о жизни, не посидим в уютных кафе на Арбате или на улице Новый Свет. Будем уже только помнить. Мы пообещали это ей и самим себе в тот день, когда всех нас как током пронзило невероятное известие: 24 февраля 2009 года Даша умерла. Преждевременно.

Ее голос из Москвы на волнах «Свободной Европы» можно и сейчас найти в интернете. И послушать, как в своих корреспонденциях она разъясняет польским слушателям, что именно и почему происходит в России. Можно также в поисках ответа на эти вопросы прочитать ее тексты из Москвы в подшивке газеты «Экспресс вечерний» 90-х годов.

Дарья Сильванская-Павлова сама часто говорила, что полюбила Польшу первой и чистой любовью. Она была единственной русской из всех, кого я знал, говорившей по-польски без акцента, характерного для ее соотечественников. Своих собеседников-поляков она поражала не только превосходным польским языком, но и достойным удивления знанием нашей культуры и истории. Осмелюсь утверждать, что у себя на родине она относилась к весьма немногочисленной с этой точки зрения группе людей. Она принадлежала к тому кругу людей, с которыми мы дискутировали обо всём «открытым текстом». С самого начала нашего знакомства, а познакомились мы в 1991 г., мы по ее инициативе сразу же отказались от обычной в подобных ситуациях «политкорректности» и не обращали внимания на «различное восприятие истории» у поляков и русских.

Даша — журналист, переводчик, редактор. И всё понимающий друг польских корреспондентов, ученых и дипломатов, одним словом всех, кто благодаря ей смог лучше узнать Россию. Мы спорили по поводу важнейших литературных событий, ходили на концерты лучших исполнителей рока и классической музыки, посещали вернисажи. Она жила с мамой Мариной, известным политологом из Фонда Карнеги, и подраставшим в

то время сыном Георгием на улице 26 Бакинских комиссаров. Всего в трех троллейбусных остановках от улицы Обручева, где находилась моя квартира корреспондента газеты «Жиче Варшавы». Мы вместе выгуливали своих собак, она — пуделя по кличке Сэр, а я терьера Дуню. Мы гуляли по живописно запущенному тенистому лесопарку вдоль Ленинского проспекта. И дискутировали, постоянно дискутировали. Как, впрочем, и в ее доме, всегда открытом для друзей, которые буквально толпами прибывали с берегов Вислы. Их интерес неизменно вызывал особый предмет мебели, что-то вроде молельной скамеечки с пюпитром и опорой для колен, хорошо снимающей нагрузку с позвоночника, а эту скамеечку она часто использовала, проводя многие часы у стола, компьютера, телефона... Как раз тогда один польский фотограф, который отправился к ней с первым визитом и не смог поздним вечером купить цветы у станции метро «Юго-Западная», вызвал нешуточный гнев у женщины с Кавказа с весьма плотным телосложением, когда стащил для Даши внушительных размеров арбуз с высокой пирамиды, сложенной из этих самых плодов, которую тот, как предусмотрительный торговец, подготовил для продажи на следующий день...

Я помню, что она была первой доброй душой, которая проявила заботу о моем несколько подорванном здоровье, когда я вернулся в Москву после нескольких драматических дней во время первой чеченской войны. Многие корреспонденты ей обязаны знакомством с людьми из «Мемориала», с «Эха Москвы», из редакции «Нового времени», а потом из «Новой газеты» и нескольких интернет-порталов.

Потом мы встречались попеременно то в Варшаве, то в Москве. То там, то здесь мы встречали с ней Новый год. Мы одаривали друг друга интересными книгами и кулинарными деликатесами. Каждый год в Сочельник во многих польских домах раздавался телефонный звонок из Москвы. Это звонила Даша с поздравлениями. Мы помогали друг другу и в профессиональных делах. И хотя мы всё-таки кое-что знали о России, а она о Польше, каждому из нас было тем не менее важно перепроверить свои знания, спросив у того, кому доверяешь.

Даша жалела, что довольно поздно познакомилась с Польшей. Зато — как она сама потом оценивала — это произошло в весьма важный, даже переломный период. На отделении географии соцстран МГУ она выбрала специализацию по Польше и начала учить польский язык, а в конце 80-х приехала

в Польшу на языковую стажировку на несколько месяцев. Даша потом говорила, что именно тогда на нее необыкновенное впечатление произвела наша действительность, так разительно отличавшаяся от угасавшей тогда советской перестройки: солидарность, объединявшая людей, самостоятельность мышления каждого отдельного человека, неподцензурные издательства, потом диалог «круглого стола», наконец мирные преобразования. Даша совершенствовала язык, жадно читала, участвовала в десятках встреч.

В декабре 1989 г. она уже была переводчицей делегации «Солидарности» на похоронах Андрея Дмитриевича Сахарова. В мае 1992 г., во время визита в Москву президента Леха Валенсы, она переводила его неофициальные встречи. Тогда же началось ее сотрудничество с польской редакцией «Свободной Европы» и «Экспрессом вечорным». В Польше она бывала не реже раза в квартал. Она стала известна российским читателям сначала как журналист, а затем как менеджер московского филиала издательства «Бурда». В связи с этой работой она бывала и в Польше: во Вроцлаве, где размещалось отделение издательства, работавшее на Центральную и Восточную Европу. До самых последних дней своей жизни она была главным редактором российского издания журнала «Лиза. Мой ребенок».

19 февраля 2009 года, в четверг, она вернулась из редакции домой раньше обычного, так как плохо себя почувствовала. Два дня она пролежала дома с тяжелым гриппом. В субботу показалось, что болезнь отступает. Однако в воскресенье утром ее состояние серьезно ухудшилось. Сын в отчаянии вызвал «скорую». А ночью, с понедельника на вторник, она умерла.

Вот уже три года как ее нет с нами.

ШВЕЙЦАРЦЫ ВЫБРАЛИ ПОЛЬШУ

Целых 16 лет мы в Польше. О нас уже немало написано, а также рассказано в прессе, по радио и телевидению. Довольно многие из этих материалов утратили актуальность, так как мы развиваемся дальше.

Кроме того, в различных изданиях, передачах, репортажах многократно появлялись ошибки и неточности — из-за недопонимания, журналистской несолидности либо переиначивания событий. Мы сталкиваемся с огромным интересом. Люди по-прежнему продолжают задавать нам всё новые и новые вопросы, желая узнать про нас от нас как можно больше и отнимая при этом у нас множество времени, — когда, например, покупают наши сыры.

Поскольку нам хлопотно тысячу раз отвечать и разъяснять одно и то же, три года назад мы решили создать свой интернет-сайт. На нем хотелось бы, в частности, коротко рассказать нашу историю и затем дописывать туда самые важные события и факты.

Клаудия

Родилась в 1965 г. в Швейцарии, в кантоне Цюрих. Как и большинство людей в цивилизованном мире, долго ходила в школу, потом училась в университете, чтобы в один прекрасный летний день оказаться вдруг перед Томасом и начать с ним необычайно увлекательный разговор. Подошли каникулы. Она поехала на север Норвегии, он — в Южную Африку. Когда оба вернулись в Швейцарию, стали встречаться — и через три недели Томас понял разницу между увлечением и настоящей влюбленностью, а Клаудия научилась воспринимать себя как привлекательную женщину, достойную того, чтобы ее любили и желали.

Томас

Родился в 1966 г. в кантоне Цюрих. Тоже ходил в школу, а затем поступил в университет, потому что его интересовали всякие вопросы, связанные с человеческим существованием, — ну, и ему хотелось встретить Клаудию. В голове у него клубилось

столько глупых мыслей, что, если бы перед ним вдруг не возникла Клаудия, он мог бы прозевать благоприятный случай...

1987

В начале октября они дали друг другу обязательство совместно, плечом к плечу служить другим людям, пока судьба им это позволит.

1988

Они поселяются вместе, Томас прерывает учебу и начинает работать письмоноском на почте в Цюрихе. Финансовая независимость. Гражданский брак. Молодые люди вселяются в свою первую квартиру — это жилищное товарищество в центре четвертого округа Цюриха. Клаудия прерывает учебу. Рождение первой дочери — Лизы.

1989

Начало самостоятельной деятельности. Продажа на рынках приправ, трав, чая, сухофруктов, орехов, масел и других натуральных продуктов, преимущественно проверенного экологического происхождения. Первые шаги к созданию экспериментального товарищества.

1990

Рождение второй дочери — Нади. Томас встречает в Цюрихе Томаса Баньяку, возглавляющего пророчества индейцев хопи, и слушает его выступления.

Решение покинуть город и отказаться от жизни в условиях цивилизации.

1991

Они пробуют слегка отойти от цивилизации. Это оказывается невыполнимым по финансовым соображениям. Тогда Клаудия и Томас выбирают экстремальное решение. Строят типи (разновидность индейского шалаша), выезжают из квартиры и перебираются в район Цюрихского нагорья (*Zurcher Oberland*) в примитивное типи. Регистрируются в тамошней общине и дальше ведут собственное дело. Строительство второго типи. Знакомства и встречи с людьми, заинтересованными жизнью в экспериментальном товариществе.

1992

Власти общины создают им трудности из-за непривычного, нетрадиционного образа жизни и велят покинуть занимаемую территорию. Рождение Николаса в типи. Переезд через Италию на юг Франции. Поиски местности под закладку товарищества. Кочевая жизнь в различных местах. Зима в новом большом типи с двойными стенками, печью и дымоходом в экологическом хозяйстве в Верме, в кантоне Юра.

1993

На встрече людей, которые проявляют интерес к жизни в товариществе, представлен проект экодереvни в северо-восточной Польше. Проект их воодушевил — за этим следует поездка в Германию, а потом в Польшу. Возвращение и улаживание формальностей. Эмиграция в Польшу.

1 июня 1993 г. — приезд в Польшу. Аренда земли в Сайзах (20 км к северу от Элка), строительство типи и закладка огорода. Проект экологической деревни оказывается прерванным на организационной стадии.

С помощью Эльжбеты Недзейко из Сувальской сельскохозяйственно-туристической палаты и Ядвиги Лопаты из польского отделения Европейского центра экологического и аграрного туризма (ЕСЕАТ, ЕЦЭАТ) удастся приобрести старое хозяйство, пригодное для заселения.

5 сентября 1993 г. — переезд в новый дом. Первые ремонтные работы. Покупка двух поросят, нескольких кур и петуха. По случаю приобретены две козы и козел.

9 ноября — внезапное нашествие зимы (сильный ветер, за восемь часов температура падает с +8 до -14°C, метровый слой снега). Шок! Однако что нас не убьет, то укрепит. Спустя три недели кошмар миновал. Зима становится нормальнее, устанавливаются первые контакты с соседями. Покупка маленького радиоприемника.

1994

Простая, скромная жизнь. В феврале -25°C и много снега. В марте рождаются первые козлята, мы забили козла и свинью. Вторая свинья продана... — это первый небольшой заработок в Польше.

Конец марта — уже нет снега, появляются первые аисты. Подготовка места под огород. Первые посевы... — какая боль! Возвращение зимы.

Апрель — наконец-то весна, строительство парника, подготовка места под огород, и затем посевные работы. С помощью соседей подготовлены под обработку и засеяны 2–3 гектара земли. Покупаем лошадь для работы.

Май — первое собственное молоко. Получаем разрешение на постоянное пребывание в Польше. Рождение Свендара.

Куплены 3 овцы и баран. Приобретаем еще одну козу и козла.

Приезжают первые отдыхающие из ЕЦЭАТ, мы строим типи — впервые на собственной земле. Как раз во время рекордной жары, когда температура достигает 37°, сооружаем кафельную печь. Томас в последний раз едет на два дня в Швейцарию, чтобы забрать последние еще остававшиеся там вещи и пригнать машину. Лиза начинает ходить в нулевой класс и учится ездить на велосипеде. С кафельной печью в доме становится гораздо теплей.

1995

Снежная зима. Лизу почти ежедневно возят в школу на санях. Польское телевидение снимает в середине зимы репортаж о смелых (сумасшедших?) швейцарцах, которые отважились поселиться в расположенной где-то в стороне бедной северо-восточной Польше. После передачи становимся известными по всей стране.

На поле и в огороде дела идут гораздо лучше, чем в первый год, и урожай тоже несравненно обильнее.

Получение сертификата экологического хозяйства от объединения производителей экологически чистого продовольствия «Ekoland». Начало производства козьего сыра и первые клиенты. Томас едет в сентябре в Гданьск, чтобы купить в Кашубском крае еще пять коз. Стадо коз насчитывает теперь 17 маток-производительниц.

Конец ноября — на свет появляется Грегор.

1996

Самая долгая и самая снежная зима. В мир мы можем выбраться только на санях. Много экстремальных переживаний, связанных с чрезвычайными зимними условиями и с нашим бытом, который по-прежнему остается примитивным. Встреча с Крысеком — братом одного из соседей. Он сделался нашим «ангелом-помощником». Производство сыра развивается. Попытки изготовления зрелых

сыров, которые закончились неудовлетворительно. Кобыла приносит жеребенка. Строительство новой конюшни, она же рига. Сосед дает нам старый черно-белый телевизор — великолепная помощь в изучении польского языка в зимнее время!

Изоляция фасада. В середине ноября — жестокое нападение грабителей. Выбиты все стекла, Томаса избивают бейсбольной битой. Преступники похитили деньги и инвентарь. К счастью, Томас выходит из этой переделки без серьезных повреждений, а в течение следующих трех дней нам удастся вставить новые оконные стекла, причем как раз вовремя — перед самым началом зимы. Из-за обледенения ломаются электрические столбы. Следствием этого становится неделя без электричества!

1997

В январе сумели обменять жеребенка на первую корову (Вальдбургу). Новая конюшня готова к использованию. Здесь могут разместиться кобыла по кличке Гнедая и корова, покинув старую темную конюшню из камня.

В марте — первый теленок и первое молоко от коровы. Больше молока — больше сыров... в конечном итоге нам удаются зрелые твердые сыры, и у них сразу же находятся покупатели. Больше сыра — больше денег — мы продвигаемся вперед! Рождение Мануэлы.

После получения разрешений от трех польских министерств наше хозяйство может быть наконец-то официально куплено и нотариально записано за нами. Приобретение трактора, плуга и т.д. Поле в первый раз распаханно без чьей-либо помощи. Планы по расширению дома.

1998

Относительно мягкая зима. Во вторую половину января всё Баханово подсоединяют к водопроводу — наконец в доме есть проточная вода. Но слива еще нет. Пользуясь случаем (наличие экскаватора, прокладка водопровода), выкапываем котлован под расширение дома.

В феврале — без мороза!!! — забетонировали фундамент. Покупаем 4,2 га целины. Весь этот новый участок распахивается, вывозятся камни, а тем временем строительство продолжается. Всё Баханово подключают к телефонной сети. А мы сеем, продолжаем дальше строить и заготавливаем сено. Куплена вторая корова (Брунгильда).

Строительство, жатва, дальнейшее строительство... и наступление зимы — слишком раннее! Стройка на несколько месяцев останавливается.

1999

В первые дни января где-то посреди ночи — рождается Ной!

Весной начинаются работы в поле. Надо собрать тонны выпаханных и выкопанных камней. Вслед за посевной — дальнейшее продолжение стройки... производство и продажа сыра. А раз всё идет хорошо, то вскоре разрушается довоенное жилое здание и проектируется дом для гостей, который в течение четырех недель строительная фирма ставит в сыром виде — без отделочных работ.

Две строительных площадки и 1-2 помощника, поле, скот, производство сыра и семеро детей = семь рабочих дней по 17 часов. Иначе не удастся всё это охватить.

После урожайного лета приходит пора обильной уборки. С помощью строительных рабочих удастся собрать весь урожай.

Когда новая часть дома снаружи уже готова, начинают постепенно снимать старую крышу и класть новую. К сожалению, не обходится без приключений: осенью ураганный ветер срывает брезент с той части дома, на которой нет крыши. Дождь протекает через деревянный потолок и заливает детишек, спящих в кроватях.

После часовой «операции» на крыше, после просушки кроватей и смены постелей все могут спать дальше. Осень остается теплой вплоть до начала декабря, незадолго до первого снега удастся полностью уложить крышу и утеплить дом. Удастся также запахать всё поле. В ходе долгих зимних месяцев продолжаются отделочные работы во внутренних помещениях и изоляция фасада.

Благодаря неоценимой помощи Крысека результаты видны день ото дня. Последняя Ханука в давно уже ставшей слишком тесной старой части дома, где в двух комнатах проживало девять человек. В самом центре всего этого беспорядка стоит елка. Точно под Новый год оказывается пробитым новый вход в дом, а вместо старой двери вставляют окно.

2000

Старая часть дома соединяется с новой. В январе готова первая комната. У Клаудии и Томаса наконец-то свое собственное

помещение, можем распаковать картонные коробки и извлечь оттуда свои книги и одежду. Уже есть горячая вода, кафельная печь и вся канализация — можно в конце концов «окрестить» ванну. Наружная изоляция завершена.

В марте Лиза и Надя въезжают в собственную комнату. Природа пробуждается к жизни. Рождаются козлята и телята, снова льется молоко и начинается работа в поле. После посевной кампании Николас и Свендар тоже получают свою комнату. В старой части дома спят уже только три человека, кругом много места... но форма живота Клаудии предвещает довольно скорое увеличение семьи!

К сожалению, весной мало дождей. В мае луга и пастбища оказываются сухими. Не растет трава, почти нет сена. Зерновым это тоже не способствует. Тянутся долгие недели в ожидании дождя.

После того как самые разные средства массовой информации в Польше сообщали об эмигрантах из Швейцарии, после визита немецкого телевидения приезжает и журналистка из швейцарской газеты. Прибывает также группа от польского телевидения с намерением снять короткий документальный фильм. Правда, он показывает не истинную ситуацию, а немного идеализированную, однако получает премию, и вследствие этого его показывают не только в Польше, но и за границей — на канале «Полония», предназначенном для польской эмиграции. Поступает несколько милых писем от поляков, живущих в Австралии, Америке и в Швейцарии.

Всю весну ведется строительство гостевого дома. Он еще не закончен, а уже появляются первые гости — друзья, родственники, знакомые. В середине августа, после самого сильного наплыва клиентов, покупающих сыры, рождается Лорена.

Затяжная засуха приносит серьезные последствия: видно, что кормов для всех животных не хватит. Старая корова (Вальбурга), а также лошадь, которую уже два года не используют для работы, и еще одна голова скота проданы соседям. Благодаря этому зимой меньше дел, и остается больше времени на отделочные работы внутри дома.

2001

В предновогоднюю ночь наступает настоящая зима. Часами падает снег. Новый год приветствует нас 40–50 сантиметровым слоем снега и многочасовой работой лопатами по его очистке.

В обоих домах продолжаются внутренние отделочные работы. После отёла Брунгильды и молодой коровы Гульды можно снова делать сыры. Снова ведётся сев и собираются камни. Кроме того, высаживаем много деревьев.

Клаудия получает в подарок автоматическую стиральную машину, благодаря которой заканчивается 10 летний период ручной стирки.

И в этом году летом наш дом тоже посещает много знакомых, родственников и друзей. Лиза, Надя и Николас в рамках проекта «Еко-Art-Village» («эко-арт-деревня») принимают участие в летнем лагере, который организован нашими хорошими знакомыми. Снова засуха. Не такая страшная, как годом ранее, но урожаи — ниже средних.

В августе, когда строительные работы уже подходят к концу, Крысек перестает нам помогать. Находит себе постоянную работу и женится. Остается всего лишь одна пара мужских рабочих рук. Всё идет медленнее и с большим трудом. Наступает сентябрь и вместе с ним — начало учебного года. Уже четверо детей ходят в школу. Лиза уже окончила семилетку и начинает учиться в гимназии в Еленёве (около 15 км от дома).

Посеяны озимые, собран картофель, поля вспаханы, огород подготовлен к следующему году, камни собраны, приготовления к зиме традиционно прерываются ее преждевременным приходом. Последние работы остаются незавершенными.

2002

В январе благодаря рождению Беаты семья снова увеличивается. Помимо этого, всё течет, как обычно, — в ритме времен года. Только год опять выдался сухим. Зато по преимуществу светит солнце и очень тепло. Лиза, Надя и Николас снова принимают участие в летнем лагере эко-арт-деревни. В результате засухи уменьшается урожай.

И снова все мы, поглощенные работой и обязанностями, которые связаны со сменяющимися временами года, движемся к его концу, с надеждой ожидая того, что принесет следующий год.

2004

Год, очень наполненный трудом. Огромное количество переработанного молока приносит плоды в виде рекордного производства сыра. В мае Польшу принимают в Евросоюз. Мы

подаем заявления в связи с возможностью получить прямые доплаты крестьянам. Появилась возможность без польского гражданства вступить в Кассу сельскохозяйственного социального страхования. Лиза оканчивает гимназию в Еленёве и начинает учебу в лицее им. Марион Дёнхофф в Миколайках, а Николас идет в 6 класс неполной средней школы в Еленеве. 21 сентября мы ощущаем небольшое землетрясение, что представляет собой исключительное явление в нашем районе. Вскоре после этого — «землетрясение» у нас в доме: мы покупаем наш первый компьютер.

В ноябре переживаем самый настоящий удар. В результате выкидыша у Клаудии случился тяжелый сепсис, и она попала в отделение интенсивной терапии больницы в Сувалках. Такое заражение крови в большинстве случаев неизлечимо — чаще всего оно кончается смертью пациентов. Два дня Клаудия лежит в критическом состоянии. На третий день происходит необычайное улучшение, Клаудия преодолевает недуг, сопровождающийся полным упадком сил, и решает жить дальше. По истечении шести недель у нее полностью восстанавливаются силы, и она возвращается в прежнее активное состояние. Такие экстремальные испытания, равно как и методы лечения (применение антибиотиков и хирургические операции), наряду с огромным стрессом и утомлением опустошают наши организмы. Впервые за многие годы мы в смысле здоровья чувствуем себя полностью выбитыми из колеи, а пороки системы польского здравоохранения вызывают, особенно у Томаса, ипохондрические реакции.

2005

Тяжелая зима в сочетании с плохим самочувствием и ипохондрическими проблемами Томаса означают подлинные муки и страдания. Лишь весенняя энергия приносит облегчение, возвращая душевное равновесие и нормальное состояние здоровья.

После десяти лет ведения независимого экологического хозяйства мы вновь становимся официально контролируемым экологическим сельхозпредприятием. Это решение приносит много канцелярской работы и инспекторских проверок, но мы хотя бы получаем выгодные доплаты от ЕС.

Жизнь затрудняют неоднократные периоды засухи. Мы модернизируем и расширяем курятник.

2006

После шестилетней паузы польский телеканал TVP снимает продолжение фильма о нас. Свендар во время игры в футбол ломает себе руку. На протяжении всего летнего сезона у нас много гостей, а в дополнение к ним — несколько человек, желающих на себе испытать, как живется в одном товариществе с нами. Надя заканчивает гимназию в Еленёве и присоединяется к своей сестре, поступая в лицей в Миколайках, где они поселяются вместе.

2007

Настоящая зима начинается в этом году 19 января и... к счастью, продолжается всего два месяца! В Белостоке мы подаем заявления на польское гражданство. Верно служивший нам на протяжении 15 лет голубой 23 летний микроавтобус «Тойота Хайс» приходится (к сожалению) уволить с работы. Покупаем новый (17-летний). Летом, как и в прошлом году, к нам приезжает много гостей, а также несколько человек, которые хотят испытать жизнь совместно с нами. 2 сентября свора бездомных собак загрызла в поле пять наших коз. Лиза сдает экзамен на аттестат зрелости и начинает учебу на отделении германистики Варминско-Мазурского университета в Ольштыне.

Мы устанавливаем резервуар под навозную жижу, модернизируем и увеличиваем вольер для коз. После трех недель ноябрьской зимы приходит осенний декабрь.

2008

Как уже часто бывало, Новый год приносит в подарок настоящую атаку зимы. Сильный снегопад, вьюга, температура падает до -16 градусов, а сильный ветер усугубляет ощущение холода. В коровнике замерзают все поилки, и воду животным нам приходится носить ведрами из дома. Вдобавок у Грегора — несчастный случай: едучи на велосипеде в школу по совершенно обледеневшей дороге, он сломал руку. Несмотря на оттепель, земля еще длительное время остается промерзшей. Интенсивные дожди приводят в негодность дороги, служащие для подъезда к нашему участку и усадьбе. Мы боремся с грязью и вымоинами, которые весной заполняем камнями. Во время зимы нам наконец-то удастся по прошествии восьми лет закончить отделочные работы в ванной и погребе (глазированная и терракотовая плитка). Появляется всё больше обязанностей, связанных с ведением сельскохозяйственной документации, так что Томас занимается вводом данных в компьютер. Первоначальные дополнительные усилия очень скоро окупаются, экономя время и увеличивая прозрачность.

Плодом внезапно возникшей мысли становится организованный у нас пикник. В общей сложности набирается 30 человек, включая детей, мы совместно проводим четыре удачных майских дня. Даже вновь разбиваем — впервые после 10-летнего перерыва — одну из палаток типи.

Весна досаждают нам засухой, а вот во время жатвы непрерывно льет. Какой-то части урожая суждено сгнить или заплесневеть. В летнее время нас снова посещают многие люди, в том числе даже единичные помощники. Для узкого круга лиц, заинтересованных экодеревнями, мы организуем недельный лагерь.

После каникул остающиеся в доме дети отправляются в новую школу в Еленёве. Все радуются переходу в «настоящую» большую школу, где у них теперь больше друзей и подруг. Начальную школу в Баханове ликвидируют, а на ее месте за деньги Евросоюза устроена читальня с компьютерным залом и другими привлекательными возможностями. Жители (дети и взрослые), а также туристы и отдыхающие могут теперь на месте пользоваться интернетом и приятно проводить время.

Бесспорные факты о хозяйстве

Вместо красивых слов... — немного сухих фактов:

Полная площадь хозяйства составляет 22,94 га.

Сельскохозяйственные угодья занимают 17,93 га (две трети — VI класса и треть — V класса).

Землю мы обрабатываем авторским методом, для которого трудно найти однозначное определение; это производная от применения сразу нескольких методов: биоорганического, философского, пермакультурного и, возможно, других.

Остальные земли (около 2,1 га) — это лес, живые изгороди, пруды, болото, дикая природа, здания, дороги, а также бросовые территории, непригодные для обработки.

Из 17,93 га сельскохозяйственных земель 14,36 га — это подлежащие севообороту земли под плодосменные посевы, а 3,57 га — зеленые угодья, постоянно засеянные травой.

Мы выращиваем:

— тритикале, рожь, яровую пшеницу и зерновые смеси, в т.ч. люпин, вику и смеси бобовых культур с зерновыми;

— картофель, гречиху, лен, подсолнечник;

— травяные смеси с мотыльковыми растениями, красный клевер.

В саду и огороде общей площадью 7,10 га мы выращиваем разные овощи, фрукты, травы и цветы.

У нас есть 3-4 молочные коровы и одна телка, 6-10 молочных коз, 1-5 козлов (весной приплод составляет около 10-20 козлят), 15-30 кур и два петуха, собака, 3-7 кошек, шесть морских свинок, две домашние крысы.

В состав недвижимого имущества теперь входят:

— семейный дом, а также гостевой дом, который пригоден и для сдачи внаем туристам, и как место для пребывания гостей, практикантов и волонтеров, деревянная рига, коровник-овин, старый каменный коровник и деревянный сарай;

— автомобиль

— трактор с разнообразными машинами и оборудованием.

На территории — три пруда, самый большой пригоден для плавания.

В окрестностях встречается много диких животных, постоянно или сезонно живущих в наших местах.

Климат здесь суровый, вегетативный период короткий, а почвы — скорее молодые и слабые: в них мало гумуса, зато много гравия и камней.

Воздух чистый, земля здоровая и чистая, растительность естественная и богатая, местность красивая и интересная.